59 4/39

1116i 594/39

Проф. Р. Ѳ. Брандтъ.

МНѢНІЯ
О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ

Игн. Викент. Ягича, Ѳед. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона.

Оттискъ изъ «Филол. Зап.» за 1904 г.

256

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

Проф. Р. О. Бошняк.

МИЗИН

О РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Зав. Библ. Инвал. Отд. Канц. Ген.-Штаба.
Акт. Отд. Археогр. и Арх. Ин. Томска.

Проф. Р. Ѳ. Брандтъ.

МНѢНІЯ

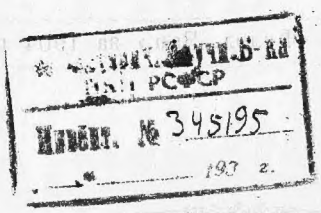
О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ

Игн. Викент. Ягича, Ѳед. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона.

Оттискъ изъ «Филол. Зап.» за 1904 г.

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 25 августа 1904 г.



Мнѣнія о русскомъ правописаніи Игн. Викент. Ягича, Ѳед. Евг. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона [1]).

Мысль объ упрощеніи русской орѳографіи, снова возникшая въ московскомъ педагогическомъ обществѣ по поводу моей лекціи о лженаучности нашего правописанія [2]) и поведшая къ ходатайству въ такомъ смыслѣ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, правда, отклоненному за неблаговременностью, вызвала въ печати цѣлый рядъ отзывовъ, изъ коихъ наиболѣе выдаются, отчасти по обстоятельности, отчасти по именамъ своихъ авторовъ, отзывы академиковъ И. В. Ягича и Ѳ. Е. Корша, бывшаго профессора, теперь члена совѣта министерства народнаго просвѣщенія А. С. Будиловича и одесскаго профессора А. И. Томсона.

Изъ четырехъ названныхъ ученыхъ двое—Будиловичъ и Томсонъ—являются рѣшительными противника-

---

[1]) Мнѣнія эти пріобрѣтаютъ теперь новый интересъ слѣдствіе образованья при Императорской Академіи Наукъ, дъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго ея Президента, коссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, къ участью которой удостоился приглашенія и авторъ настоящей атьи.

[2]) Р. Ѳ. Брандтъ. О лженаучности нашего правописа- (Публичная лекція). Оттискъ изъ I—II вып. «Филол. .». Воронежъ, 1901.

ми реформы, двое, притомъ болѣе авторитетные—Ягичъ и Коршъ,—хотя и не становятся прямо на сторону педагогическаго общества, но въ сущности ему сочувствуютъ.

Будиловичъ (начну съ него: въ разборѣ своемъ я не буду итти повременнымъ, а другимъ, болѣе удобнымъ, порядкомъ) прямо выступаетъ противъ педагогическаго общества и озаглавилъ свою брошюру (29 страницъ) «О Московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія» (Юрьевъ 1902—изъ Сборника Учено-литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, томъ V).

Оппозиція Б—ча нисколько не является неожиданностью: говоря въ своей лекціи (стр. 48) о «раздающихся нерѣдко въ пользу орѳографическаго обычая голосахъ серьезныхъ и почтенныхъ филологовъ», я думалъ прежде всего именно объ Антонѣ Семеновичѣ. Вслѣдствіе этого я уже въ самой лекціи, а затѣмъ въ отвѣтѣ Алексѣю Серг. Бѣлкину (Ж. М. Н. П., 1902, августъ, стр. 50) вкратцѣ указалъ и опровергъ, что могъ бы, по моимъ предположеніямъ, возразить Б—чъ.

Б—чъ, думается мнѣ, опасенъ для реформы своимъ именемъ, на которое иные будутъ ссылаться, не входя въ оцѣнку представленныхъ имъ доводовъ; особенно же у него опасно было бы обвиненіе (если бы таковому повѣрили власти), что мы, хотя и безсознательно, плодимъ сепаратизмъ и сѣемъ смуту (стр. 24—25). Едва ли однако Б—чъ можетъ сдѣлаться вождемъ сознательной и многочисленной оппозиціи, т. к. конечно лишь весьма немногіе примкнутъ къ его программѣ полнаго застоя въ орѳографіи—даже А. С. Бѣлкинъ (Вопросъ объ упрощеніи русской орѳографіи въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ. Ж. М. Н. П.,

1902, январь) кое-что уступаетъ: безусловно жертвуетъ ижицей и ѳитой, готовъ устранить ъ, не особенно распинается и за ѣ.

Мотивировка же у Б—ча крайне слабая: онъ возражаетъ не столько какъ языковѣдъ, сколько какъ археологъ, публицистъ и славянофилъ.

Прежде всего Б—чъ упрекаетъ составителей проекта въ томъ, что разсужденія ихъ въ «Докладѣ о правописаніи» — содержанье какового доклада онъ излагаетъ,— разсужденія, легшія въ основаніе предлагаемой реформы, не являются новостью (стр. 9). Упрекъ едвали умѣстный у какого то ни было критика, тѣмъ менѣе у критика-охранителя. Именно, если бы реформаторы измыслили что-нибудь совершенно новое, они бы отрѣшились отъ потребностей дѣйствительной жизни, и приготовили бы своему дѣлу неизбѣжный провалъ. Съ другой стороны, его самого съ полнымъ правомъ можно упрекнуть, что онъ безъ надобности твердитъ зады, которыхъ реформаторы якобы не знали или не взвѣсили (стр. 28). Странно также винить насъ, что мы въ краткомъ докладѣ изложили вопросъ не столь подробно, какъ Гротъ въ цѣлой книгѣ; притомъ же суть дѣла представлена достаточно обстоятельно и ясно. Тамъ, гдѣ возражатель усмотрѣлъ неясности, онъ просто придирается.

Такъ, онъ напрасно видитъ неопредѣленность въ положеніи, что со звуковой стороны «правописаніе не должно отражать особенностей какого-нибудь діалектическаго произношенія», и спрашиваетъ (стр. 10), разумѣется ли здѣсь подъ діалектомъ какой-нибудь областной литературной языкъ, или мѣстное нарѣчіе, либо жаргонъ. Очевидно, что мы разумѣли и то́, и другое, и третье, и считались только съ литературнымъ произ

ношеніемъ. Достаточно ясенъ (конечно, не безусловно точенъ: вѣдь филологія не математика) также нашъ принципъ сохраненія этимологическаго начала, поскольку оно проявляется въ современномъ литературномъ языкѣ, и нечего спрашивать: что́ здѣсь означаетъ «проявляется»? Чувствуется? Сознается? Выясняется путемъ научнымъ? И кому проявляется: безграмотному школьнику, человѣку образованному, ученому спеціалисту? (10 же). Очевидно же наша реформа имѣла въ виду не книжниковъ, а тѣмъ менѣе языковѣдовъ, и рѣчь идетъ о тѣхъ проявленіяхъ первоначальнаго звука, которыя легко могутъ быть замѣчены даже дѣтьми и простолюдинами, и на какія постоянно ссылаются учителя при обученіи грамотѣ, напр. присутствіе въ мужескомъ родѣ «ло́въкъ» звуковъ **о** и **в**, измѣнившихся въ женскомъ родѣ «лафка́» въ **а** и въ **ф**. Б—чъ, видно, не достаточно вдумался въ наше, хорошо взвѣшенное выраженіе, которое именно точнѣе предпочитаемаго имъ гротовскаго и ломоносовскаго: «слѣдовъ происхожденія и сложенія рѣченій», о коихъ говоритъ Ломоносовъ, если только таковые дѣйствительно сохранились въ живой рѣчи, и чисто-звуковая орѳографія не закроетъ—такъ, въ нашемъ примѣрѣ и при ней совершенно ясно, что древнѣйшій видъ корня есть л-о-в.

Упрекъ намъ въ томъ, что, если даже признать, въ виду постепеннаго измѣненія языка, необходимость періодическаго пересмотра орѳографіи, мы выступаемъ съ таковымъ слишкомъ скоро послѣ гротовскаго (стр. 11), опять-таки неосновательенъ, потому что Гротъ, намѣтя въ своихъ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» настоящую реформу, свелъ таковую въ «Русскомъ правописаніи», что̀ называется, на нѣтъ.

Чтобы уронить научное достоинство Доклада, Б—чъ,

умолчавъ объ участіи въ дѣлѣ академика Фил. Ѳ. Фортунатова и отведши меня (лекція котораго будто-бы мало пригодилась реформаторамъ, т. к. я—замѣтьте, въ теоріи!—стою за писаніе «по звонамъ», какъ Тредьяковскій), подчеркиваетъ нѣсколько неточное выраженіе Доклада о несовсѣмъ выясненномъ явленіи: о степени мягкости звуковъ **ч** и **щ** (у Б—ча, стр. 12, прим., по опечаткѣ—весьма зловредной опечаткѣ! - **ч** и **ш**). Онъ, конечно, правъ, что, цитуя по этому случаю Бѣлкина, указываетъ на желательность рѣшить вопросъ объ оттѣнкахъ слоговъ **ча чо ща що** и т. д. экспериментнымъ путемъ; однако забылъ, что намъ нечего думать о введеніи въ письмо тѣхъ тонкостей, которыя здѣсь обнаружатся, а тѣмъ менѣе ему.

Насчетъ нашихъ пробныхъ диктовокъ Б—чъ говоритъ, будто въ нихъ ошибки считались неправильно (стр. 16); между тѣмъ естественно было считать ошибки по Гроту, по коему испытуемые обучались. Тутъ же дѣлается намъ упрекъ въ нелогичности: будто мы утверждаемъ, что въ основаніи неполной грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лежитъ «мнимый» формализмъ и культъ буквы (стр. 17). О формализмѣ и буквоѣдствѣ говорится у насъ совсѣмъ въ иной связи, а именно какъ о тормазѣ при изученіи болѣе существенныхъ сторонъ родной словесности.

Возраженіе, что мы въ своемъ полуэтимологическомъ правописаніи даемъ слишкомъ большой перевѣсъ фонетикѣ, неосновательно (срав. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 34, прим. 2), и находится въ связи съ непониманіемъ нашего принципа не считаться ни съ прежними вѣками, ни съ областною рѣчью. Поэтому мы (наперекоръ Б—чу, стр. 21) вполнѣ естественно предлагаемъ писать «добрáго» черезъ о-в-о—какъ въ сущности уже я въ своей

лекціи, стр. 41; вѣдь на г въ обыкновенной рѣчи ничто не указываетъ, а о слышится то на первомъ мѣстѣ—зло́го, то на второмъ—того́. Да и насчетъ полнаго отсутствія этого окончанія въ народныхъ говорахъ (тамъ же) я могу сдѣлать поправку: произношеніе до́брово, си́нёво отмѣчено какъ бронницкое, какъ бѣлозерское, какъ ка́дниковское и какъ то́темское (въ То́тьмѣ—рядомъ съ -ова) [3]).

Совершенно неубѣдителенъ Б—чевъ доводъ въ пользу ѣ (опровергнутый уже въ дополнительномъ экскурсѣ о буквѣ ѣ при моей лекціи, стр. 52—53), будто ѣ проявляется донынѣ въ явленіяхъ «динамическаго» или подъемнаго движенія корневыхъ гласныхъ (стр. 18): живая рѣчь представляетъ мѣну коренныхъ гласныхъ лишь какъ пережитокъ—между видѣть и вѣдать, даже между липкій и слѣпокъ, ближайшей связи не чувствуется. Звуковая же разница между «мёд» и «дѣд» и у насъ можетъ быть выражена достаточно ясно. Въ этомъ случаѣ впрочемъ общее собраніе Педагогическаго общества нѣсколько исказило проектъ комиссіи, предположивши писать ё не всегда, а, по крайне неопредѣленному правилу, только «въ необходимыхъ случаяхъ».

Въ пользу ъ Б—чъ (стр. 19), среди другихъ, давно опровергнутыхъ, доводовъ, ссылается (кажется, это ново) на то́, что только его присутствіемъ объясняется цѣлость звонкихъ согласныхъ въ исходѣ словъ у малороссовъ: «Бог, дід, гриб». Не настаивая здѣсь на своей догадкѣ, что конечные звонкіе д. б. вовсе не уцѣлѣли,

---

[3]) Насчетъ -ово срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 24—25. Укажу еще на слова «севóднишней», «третёводнишней», гдѣ теперь г приходится читать за в даже внутри слова.

а возстановлены взамѣнъ глухихъ изъ другихъ падежей [4]), отмѣчу, что указанное обстоятельство говоритъ, пожалуй, въ пользу сохраненія ъ у малороссовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—за устраненіе его у великороссовъ; а т. к. малороссы прекрасно обходятся безъ ъ, то великороссы могутъ это и подавно [5]). Ссылка же на параллелизмъ между употребленіемъ ъ и ь (стр. 20) обращается лишь къ нашей зрительной привычкѣ и пристрастію къ чисто внѣшней стройности: развѣ поляки затрудняются отсутствіемъ твердаго знака въ какомъ-нибудь словѣ sen, хотя и ставятъ мягкій (акутъ) надъ словомъ dzień? Да и параллелизмъ у насъ уже нарушенъ, т. к. мы пишемъ напр. полька, горько и Санька съ ь, а полка, горка и санки—безъ ъ.

Болѣе внушительные доводы Б—ча взяты не изъ области науки, а изъ области славянофильскихъ и патріотическихъ воспоминаній и вожделѣній. Для него наше теперешнее письмо есть то же древнее, святокирилловское, и будто бы одно способно служить объединяющимъ звеномъ для славянскихъ письменностей. Естественно, конечно, желать, да и можно надѣяться, что русскій языкъ станетъ междуславянскимъ; но, чтобы для этого имѣло значенье современное правописаніе—невѣрно. Одно лишь болгарское письмо сходно съ нашимъ; да и то тамъ нѣтъ ы, нѣтъ і, а съ другой стороны есть ѫ,

---

[4]) Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, вып. I, фонетика, Москва 1892, стр. 126.

[5]) Оговорю еще, что, если сохраненье звонкихъ исходовъ можетъ быть обращено въ пользу конечнаго ъ, то другая особенность малорусскаго выговора: вїл вм. колъ, лїд вм. ледъ, находящаяся въ связи съ онѣмѣніемъ глухого и возникновеньемъ замкнутыхъ слоговъ, говоритъ противъ него.

и есть ъ въ значеніи гласнаго звука. Напротивъ того, при изученьи русскаго языка упрощенная правопись пригодится другимъ славянамъ такъ же, какъ и намъ самимъ. А чтобы болгаре, или же сербы, при прежней, славяносербской орѳографіи, могли читать и понимать русскія книги, не учившись (или наоборотъ, россіяне—болгарскія и сербскія) – это рѣшительно слѣдуетъ отрицать. (Въ этомъ мѣстѣ я точнѣе изложилъ и опровергъ то, что у Б – ча является въ видѣ громкой, заключительной фразы).

На той же 29 ой страницѣ, Б—чъ насъ пугаетъ опасностью возбужденія въ настоящую «роковую годину... споровъ между писателями и читателями, педагогами и учениками». Какъ будто нельзя расходиться въ правописномъ вопросѣ и дѣйствовать весьма дружно въ другихъ областяхъ! Взять хоть для примѣра самого Антона Семеновича и меня. Чтобы возникъ раздоръ «изъ-за той или другой кирилловской буквы», дѣйствительно было бы неразумно; но кто же взываетъ къ оружію, если не самъ нашъ негодующій противникъ? Вѣдь педагогическое общество имѣло въ виду постепенную и мирную реформу, безъ малѣйшаго притѣсненія кого бы то ни было.

Утверждая, что малорусская кулишовка обособила западныхъ малороссовъ отъ великороссовъ (стр. 23—24), Б—чъ превращаетъ слѣдствіе въ причину. Отдѣленные отъ Россіи галичане не такъ легко могутъ научиться литературной русской рѣчи; государственное же отдѣленіе ихъ (съ присоединеніемъ къ Польшѣ) произошло еще въ XIV вѣкѣ, когда не было не только кулишовки, но даже петровской гражданицы. Суть дѣла и здѣсь не во внѣшнемъ сходствѣ на бумагѣ, а въ томъ, чтобы малороссы знали общерусскую рѣчь и въ широкихъ

размѣрахъ ею пользовались.—Впрочемъ, по части внѣшности, наша реформа (устраненіемъ ъ и ѣ) посодѣйствовала бы сближенію гражданицы съ кулишовкой.

Въ перемѣнѣ орѳографіи Б—чъ видитъ опасность для семьи (произойдетъ де раздоръ отцовъ и дѣтей), отреченіе отъ завѣтовъ предковъ и чуть ли не ересь (стр. 23). Онъ знать не хочетъ, что упрощенье орѳографіи, удаленіе ея отъ латинской, не повлекло за собой у итальянцевъ и испанцевъ отпаденья отъ католичества, что введенье въ сербскую азбуку нѣмецко латинскаго j не совратило сербовъ въ латинство.

Б—чъ, положимъ, въ «стародавнемъ» (не очень, и не во всѣхъ отношеніяхъ!) «графическомъ обликѣ литературнаго языка» видитъ «нравственную цѣнность» (стр. 26). Эта нравственная сторона вопроса, конечно, состоитъ не въ томъ, чтобы писаніе лишнихъ буквъ дѣлало людей добрѣй или честнѣе, а въ томъ, что здѣсь проявляется вѣрность роднымъ обычаямъ, уваженіе къ предкамъ Однако такая вѣрность похожа на вѣрность лѣниваго раба, зарывшаго довѣренный ему талантъ въ землю (Матѳ. XXV. 25—27); да и объ уваженіи къ предкамъ лучше не заговаривать. Вѣдь ъ и ѣ люди обыкновенно выводятъ чисто машинально—даже самъ Б—чъ, конечно, лишь изрѣдка надъ ними задумывается и умиляется; большинство же людей, если задумается надъ этими знаками, то признаетъ ихъ излишество, и ужъ никакъ не почувствуетъ благоговѣнія ко введшимъ ихъ въ употребленіе предкамъ.

Нѣкоторый расколъ, правда, можетъ произойти при нашей реформѣ—а именно въ области самой орѳографіи Но кто же будетъ раскольниками? Самъ Б—чъ и его единомышленники. Мы же, если наше дѣло восторжествуетъ, сразу провозгласимъ примирительное начало—

правописное единовѣріе. Однако и не желая никого преслѣдовать за орѳографическую вѣру, все-таки нельзя не напомнить нашимъ старовѣрамъ слова апостола: «писмя убиваетъ, а духъ животворитъ» (II Коринѳ. 3, 7).

Еще болѣе странное впечатлѣніе, чѣмъ брошюра А. С. Б—ча, производитъ разсужденіе А. И. Томсона. Б—чъ ослѣпленъ славянофильскою и лжепатріотскою тенденціей, а Т., видимо, разсуждаетъ спокойно; но столь же далекъ и отъ истинно-научнаго, и отъ разумножитейскаго взгляда.

Томсонъ посвятилъ вопросу цѣлую книгу (168 страницъ), подъ заглавіемъ: «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія» Одесса 1903. Впрочемъ сочиненіе это отчасти потому довольно объемисто, что изложено нѣсколько мудрено и многословно, и съ постоянными повтореніями.

По части обученія Т. высказалъ кое-что дѣльное (насколько однако новое?). Онъ, конечно, правъ—я лично считаю это аксіѳмой,—что правописанью не слѣдуетъ обучать посредствомъ диктовки, т. к. сдѣланныя, а затѣмъ исправленныя учителемъ ошибки обыкновенно оставляютъ по себѣ лишь смутное представленіе о двухъ написаніяхъ, изъ которыхъ одно, но неизвѣстно, которое, ошибочно. Дѣйствительно, диктовка хороша лишь какъ повѣрка; учиться же надо преимущественно путемъ списыванья [6]). Однако, когда Т—нъ напираетъ на важность этого чисто механическаго пріема, и подчер-

[6]) Отмѣчу еще, какъ удачную мысль Т—па, желаніе упростить шрифтъ (стр. 143). Но эта мысль не нова: упрощенье азбуки, между прочимъ, путемъ уравненія большихъ и малыхъ буквъ, предлагали уже г.г. Езерскій (Международ-

киваетъ, что не слѣдуетъ преподавать орѳографію ввидѣ правилъ, а также, что высшее знаніе по этой части состоитъ въ машинальной правильности письма, то не произноситъ ли онъ безсознательно самый рѣзкій приговоръ надъ отстаиваемой имъ орѳографіей? Можно ли признать разумною такую вещь, которой нельзя разумно истолковать, и которую приходится усваивать чисто-внѣшнимъ образомъ?—И противъ пробныхъ диктовокъ нашего педагогическаго общества Т—нъ, подобно Будиловичу и Бѣлкину, возражаетъ; но возраженія его столь же несущественны.

Разсужденье о правописаніи, составляющее первую часть томсоновой книги, начинается съ указанія, что цѣли, которыя должны преслѣдовать разумное правописаніе, надо установить экспериментальнымъ путемъ, посредствомъ психологическихъ изслѣдованій (стр. 4—5); причемъ авторъ скромно оговаривается, что самъ не рѣшаетъ вопроса окончательно (стр. 7). Эта, небезынтересная, но для дѣла совсѣмъ ненужная психологія является у Т—на главнымъ образомъ ввидѣ самонаблюденія (стр. 15, 16, 17),—но полагаю, что буквенная практика интеллигента, особенно же филолога, весьма плохая мѣрка для изслѣдованія психологіи малолѣтнихъ школьниковъ. Впрочемъ Т—нъ съ высоты своей каѳедры и не желаетъ особенно смотрѣть на потребности школы, и совсѣмъ не стремится къ облегченію учениковъ (стр. 123, 119, 126).

Въ правописномъ дѣлѣ Т—нъ оказывается такимъ рѣшительнымъ консерваторомъ, какъ и Б—чъ. Воз-

---

ная азбука, С.-ПБ. 1883), Колтановскій (Реформа русской азбуки, Винница 1900) и Герасимовъ (Подарокъ неизгнаннаго неба, «рожокъ-самъ-гудокъ», или новыя пѣсни, новыя рѣчи, новая грамота. Москва 1901).

ражая реформаторамъ (намъ, московскимъ, и своимъ одесскимъ, проектъ которыхъ будто бы «во многомъ» — дѣйствительно лишь кое въ чемъ—расходится съ нашимъ, стр. 104—105), онъ утверждаетъ, что реформаторы смотрѣли на вопросъ односторонне. Односторонность эта состоитъ въ томъ, что мы думали только о потребностяхъ школы. А «новая» точка зрѣнія Т—на, утверждающаго между прочимъ, что лженаучное, съ одной точки зрѣнія, съ другой—можетъ оказаться научнымъ (стр. 3), это—всѣмъ намъ хорошо знакомое сознаніе грамотея, коему всякое отступленіе отъ привычныхъ начертаній представляется страннымъ (стр. 24, 26, 42, 46, 49, 63, 69, 72, 73, 76); онъ, значитъ, собственно не сталъ на свою точку зрѣнія, а не сумѣлъ съ нея сойти. Для вполнѣ грамотнаго человѣка въ самомъ дѣлѣ не можетъ быть болѣе удобнаго письма, чѣмъ ходячее, въ совершенствѣ имъ усвоенное. Написать напр. глагольную форму «ѣшь» съ буквою е и безъ мягкаго знака для насъ конечно труднѣе, чѣмъ написать ее потеперешнему; но совсѣмъ не то́ для начинающаго. Для насъ ходячія написанія (опять-таки Т—нъ правъ) въ нѣкоторомъ смыслѣ даже фонетичнѣе самыхъ фонетическихъ, т. е. мы соединяемъ напр. съ тѣмъ же начертаніемъ ѣ-ш-ь представленіе о звукахъ j е и ш въ извѣстныхъ оттѣнкахъ; но собственно то́, что̀ у насъ передъ глазами, вовсе этихъ оттѣнковъ не выражаетъ. Точно также французъ, видя напр. написаніе p-o-i-n-t читаетъ именно какъ надо, pwę; но всежъ вѣдь у него написано пойнт, или по крайней мѣрѣ, т. к. oi по-французски обыкновенно обозначаетъ oa,—pwą. И англичанина буквенное сочетаніе l-i-g-h-t наводитъ на вѣрное и точное чтеніе лайт, но все-таки жъ это должно бы читаться лихт.

Т—нъ опасается, что упрощенныя болѣе фонетическія написанія заставятъ читающихъ останавливаться на буквахъ, тогда какъ при теперешнихъ мы прямо переходимъ ко смыслу. Дѣйствительно, такъ будетъ на первыхъ порахъ; но когда выработается новая привычка, точный выговоръ и вѣрный смыслъ будутъ столь же тѣсно примыкать къ упрощеннымъ начертаніямъ. А начинающихъ именно этимологическія написанія отвлекаютъ отъ воспріятія цѣльнаго слова въ сторону отдѣльныхъ буквъ, тогда какъ при соотвѣтствіи буквъ привычнымъ звукамъ они быстрѣе будутъ переходить отъ буквъ ко звукамъ, а отъ звуковъ—къ смыслу. Вотъ вѣдь для чего важно изображеніе звуковъ нашей рѣчи, хотя Т—нъ и считаетъ его лишнимъ (стр. 10), т. к. «намъ нужны слова, или вѣрнѣе—значеніе словъ» [7]). Да и про свой собственный процессъ писанія авторъ признаётся, что тутъ дѣло не обходится безъ «промелькнувшихъ звуковыхъ образовъ» (стр. 18, срв. 35 и 43). Отчего еще, спрашивается, Т. не вспомнилъ, что чисто-звуковое письмо итальянцевъ, испанцевъ и сербовъ столь же хорошо вяжется съ соотвѣтственнымъ смысломъ, какъ мудреное «историческое» письмо французовъ и англичанъ?

То, что французы и англичане не пришли къ упрощенію своихъ орѳографій (о чемъ не разъ заговаривали у нихъ), объясняется—какъ ужъ и указано у меня въ Лекціи, стр. 46—47,—не тѣмъ, что ихъ орѳографіи очень удобны, а тѣмъ, что онѣ плохи почти до

---

[7]) Уже въ своей лекціи (стр. 41, внизу) я, ссылаясь на тотъ-же смыслъ, едвали неосновательно, утверждаю, что этимологическія ухищренія именно отвлекаютъ насъ отъ смысла.

неисправимости. Такъ, нашъ конечный ъ можно просто опустить, а въ связи съ устраненіемъ французскаго и англійскаго нѣмого **e** потребовалась бы крупнѣйшая ломка. Если не писать **e** въ концѣ словъ monde, sorte, то, чтобы французы не читали mɔ, sor, надо ввести у нихъ новое—конечно, разумное, но имъ не привычное—правило, никакихъ конечныхъ согласныхъ не глотать; у англичанъ слово rate цѣнность, при опущеніи **e**, обратилось бы въ rat крыса, shine сіять—въ shin голень, и ради различенья пришлось бы ввести новыя знаки для звуковъ é, ä и дифтонга ай.—Что есть возможность усвоить даже французское и англійское правописаніе, а тѣмъ болѣе русское, разумѣется, справедливо—иначе вѣдь они давно были бы оставлены, и едвали бы даже возникли; только на это изученье тратится много времени, которое пригодилось бы для болѣе полезныхъ занятій.

Реформа, говоритъ далѣе Т—нъ (опять-таки это старо, какъ и всѣ его возраженія) угрожаетъ необходимому **е д и н с т в у** письма. Да, единство, конечно, нужно; только въ какихъ размѣрахъ?! Развѣ есть теперь, да и было ли когда-нибудь, на Руси совершенное единство? Развѣ не существовало и не существуетъ въ иныхъ случаяхъ двоякихъ написаній, вовсе не мѣшающихъ взаимному пониманію? Очевидно, нѣкоторое разногласіе вполнѣ допустимо, а стремиться къ полному единству орѳографіи, хотя бы цѣной узаконенія цѣлаго ряда условностей, это—буквоѣдскій педантизмъ. Вдобавокъ при упрощенномъ письмѣ меньше будетъ поводовъ къ схоластическимъ спорамъ, и легче будетъ усвоить себѣ обычныя начертанія, т.-е. единство только выиграетъ.

Несомнѣнное удобство представляла бы также близость единой орѳографіи къ объединительному литера-

турному языку, имѣющему и свое произношеніе; удобство же для этой цѣли «историческаго» правописанія (стр. 68 и 69), ничто иное, какъ россійскій предразсудокъ: у итальянцевъ вполнѣ звуковое правописаніе отлично объединяетъ ихъ разнообразные говоры. Самъ Т—нъ (стр. 134) признаётся, что звуковое письмо по лондонскому произношенію повело бы у англичанъ къ большему единству произношенія; хотя выше (стр. 126) и утверждалъ (со значительнымъ преувеличеньемъ), что «по письму никто живому выговору не научится».

Кромѣ единства Т—нъ требуетъ и п о с т о я н с т в а (стр. 78, 80, 81), т.-е. онъ идетъ на то́, чтобы со временемъ русское письмо, неизмѣнное при измѣненіи выговора, стало съ нимъ въ такое же противорѣчіе, какъ теперь англійское — трудность котораго впрочемъ по Т—ну (стр. 88) «въ значительной степени мнимая» [8]). Правда, по непослѣдовательности, онъ допускаетъ реформу въ отдаленномъ будущемъ, говоря, что буква ѣ впослѣдствіи могла бы пригодиться въ смыслѣ è, при е=é, если бы слова в ѣ с ъ и в ѣ с ь смѣшали свои окончанія, твердое и мягкое, въ одномъ среднемъ; здѣсь онъ забываетъ, что по его взгляду традиціонные ъ и ь, хотя бы и утратили всякій смыслъ, должны быть сохранены на вѣчныя времена.—И къ чему такъ нужно томсоновское постоянство?! Люди по большей части читаютъ сегодняшнюю газету, новѣйшіе номера журналовъ, свѣжіе романы, а, если берутъ въ руки прежнихъ авторовъ, такъ въ новыхъ изданіяхъ; ходячіе учебники постоянно перепечатываются. Кто же имѣетъ дѣло со

---

[8]) Мнимость состоитъ въ томъ, что все-таки имѣются правила. Конечно, имѣются; но сложныя, и съ массой исключеній!

стариной, тотъ скоро вчитается въ особенности ея правописи, или лучше правописей.

Увлекшись своимъ единообразіемъ и постоянствомъ, Т--нъ договаривается до положенія (стр. 75), что «всякія новшества, какъ бы они ни были цѣлесообразны, крайне нежелательны и допустимы, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, лишь въ томъ случаѣ, если старое безусловно негодно, а новое выдерживаетъ всякую критику». Значитъ, пиши пропало: потому что (приведу слова кн. Вяземскаго [9]) «всякая человѣческая истина, всякое здравое мнѣніе имѣетъ, какъ Ахиллесъ, свою незастрахованную пятку, въ которую уязвить ихъ можно»; или, какъ еще сильнѣе выразился одинъ нѣмецъ, «для всякой глупости можно подобрать отговорку, ко всякой мудрости придирку» [10]).

Вѣскимъ доводомъ въ пользу существующаго правописанія Т—ну представляется то, что оно является составной частью культурной исторіи народа (стр. 126). Этого, понятно, никто не станетъ отрицать, но такою же частью будетъ и новое, упрощенное, болѣе русское, если наперекоръ Т—ну восторжествуетъ; да и недовольство ходячимъ правописаньемъ и попытки къ его упрощенію тоже культурные факты.

Говоря о частностяхъ нашихъ проектовъ, критикъ замѣчаетъ, что буква «связана многими узами съ другими явленіями души, правильное функціонированіе которыхъ нарушалось бы внѣшнимъ устраненіемъ такой буквы» (стр. 83). Эту псевдонаучную фразу, которая

---

[9]) Пасьмо къ Плетневу отъ 19 ноября 1852 года. Гротъ. Сочин. Державина, т. IX, стр. 251.

[10]) Es giebt keine Dummheit, für die man nicht eine Ausrede, keine Weisheit, gegen die man nicht eine Einrede hätte.

въ переводѣ на простой языкъ значитъ, что непривычныя написанія будутъ насъ смущать и затруднять (срв. мою лекцію, стр. 22—23), Т—нъ самъ сводитъ къ абсурду, когда говоритъ (стр. 73), что «мѣлъ», написанный черезъ е, покажется ему не бѣлымъ, а сѣрымъ.

Въ пользу ѣ Т—нъ ссылается также (не первый) на потребность различить «свѣдѣніе и сведеніе, синее и синѣе, въ полѣ предложный падежъ и въ поле винительный». Первыя двѣ пары гораздо проще и яснѣе могутъ быть различены посредствомъ того, чѣмъ разнятся въ живой рѣчи, т.-е. посредствомъ ударенія. Третья (къ которой можно прибавить еще тѣ же падежи у словъ море и горе), правда, представляетъ дѣйствительное неудобство; но неужели сохранять ѣ изъ-за нѣсколькихъ словъ, гдѣ проводится полезное, но книжно-искусственное различеніе? (Искусственное, т. к. въ непринужденномъ произношеніи имѣется иное различіе, и слышится «вытти в по́ля»—у окальщиковъ: «в по́лё», — рядомъ съ «находиться в по́ле» или же «находиться в по́ли»).

Тѣмъ, что ѣ нами употребляется далеко не правильно, критикъ нашъ не смущается—онъ хочетъ сохранить его, не считаясь ни съ фонетикой, ни съ этимологіей, и несмотря на то, что (какъ самъ признаётъ) «на ѣ тратится много труда и времени въ школѣ» (стр. 97), и что зубреніе ятеваго списка—отчасти неизбѣжное—является «педагогической оргіей» (стр. 158).

Т—нъ стоитъ также за конечный ъ «какъ знакъ грамматическихъ категорій» (стр. 95—96), т.-е. онъ пренебрегаетъ научнымъ фактомъ, что конечный ъ онѣмѣлъ, и что обозначавшіеся имъ падежи теперь обозначаются отсутствіемъ окончанія. Еще молъ ъ могъ бы приго

345195

диться впослѣдствіи, для выраженья глухого гласнаго (стр. 90). Опять-таки не Т—ну бы это говорить, когда по его теоріи нечего считаться съ выговоромъ и не слѣдуетъ мѣнять традиціённаго письма; но, если и придать этому доводу другой видъ (говоря о передачѣ областной рѣчи, какъ Будиловичъ, стр. 20), то естественно возразить, что нашъ нѣмой **ъ**, особенно въ концѣ словъ, долженъ считаться весьма неудобнымъ знакомъ для гласнаго звука, пригоднымъ только для языковѣдовъ, пропитанныхъ духомъ староцерковнаго языка.

Однимъ изъ нашихъ **и** Т—нъ готовъ поступиться (стр. 94—95), хотя онъ нѣсколько дорожитъ различеніемъ двухъ «міровъ» и повторяетъ, что правило объ **і** очень просто (что оно нелѣпо—этого онъ въ расчетъ не принимаетъ). И опять-таки онъ припасетъ **і** для будущихъ временъ, когда могло бы понадобиться отличить на письмѣ **і** въ какомъ-нибудь словѣ «сірый» отъ и въ словѣ «шире». Что буква **и** во второмъ словѣ обозначаетъ **ы**, Т—нъ не признаётъ, и въ связи съ этимъ считаетъ «недопустимыми» написанія ш-ы, ж-ы и постоянное ц-ы (стр. 98). Онъ увѣряетъ, будто на этотъ счетъ съ москвичами расходятся петербуржцы, произносящіе здѣсь **и**. Не знаю, отъ какихъ петербуржскихъ книжниковъ ему приходилось слышать выговоръ «ши, жи»[11])—я съ дѣтства произношу «жить» почти такъ же, какъ «быть», и совсѣмъ не такъ, какъ «лить»[12]).

---

[11]) Насчетъ «ци» срв. мою лекцію, стр. 38.

[12]) Звукъ, о которомъ здѣсь говорится, смахивающій на **и**, но болѣе близкій къ **ы**, я въ своей фонетикѣ называю «узкими ерами». Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Выпускъ I. Фонетика. Москва 1892. Стр. 14. Существованье такого звука, а именно его болѣе широкаго оттѣнка передъ твердыми согласными, допускаетъ и Т—нъ (стр. 98).

Не прочь Т—нъ отказаться и отъ ѳ (стр. 94); но боится обидѣть Ѳедоровыхъ, а особенно еще болѣе многочисленныхъ Ѳедоровъ и Ѳедоровичей, навязавъ имъ всѣмъ, инымъ изъ нихъ непривычную, букву ф.

Въ концѣ концовъ изъ намѣченныхъ нами жертвъ намъ предоставляется одна и ж и ц а (стр. 94). Да и къ той Т—нъ, со своей точки зрѣнія, напрасно отнесся столь сурово, ибо произвольное правило ея употребленія чрезвычайно просто, а отличеніе слова «мvро» въ косвенныхъ падежахъ отъ словъ миръ-покой и міръ-вселенная, если, какъ онъ, дорожить такими различеніями должно быть признано полезнымъ.

Къ возраженью противъ сокращенія азбуки критикъ прибавляетъ (стр. 92) требованіе, чтобы устранители «лишнихъ» буквъ добавили также недостающія: значитъ, ё и знакъ для г проточнаго (благо). Это, конечно, правильно въ теоріи, да и было сдѣлано Московской орѳографической комиссіей; однако для практики необязательно.

Возражаетъ Т—нъ также противъ введенія въ русскую азбуку буквы j (стр. 101). Возраженье не особенно нужное, т. к. мы ввести j прямо не предлагали, а съ ученой стороны—не дѣльное [13]); хотя съ практической можно согласиться съ Т—номъ, что буквы я и ю имѣютъ свои удобства, что̀ оговорилъ еще Бётлингъ. (Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ: «Ученыя записки Императорской Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ». Т. I, стр. 60).

Что̀ касается собственно-орѳографическихъ упрощеній, то Т—нъ не очень стоитъ за различеніе падежей и родовъ у формъ «её» и «добрые»; но все-таки считаетъ его небезполезнымъ (стр. 87).

[13]) Срв. ниже, стр. 28—29.

Переносы критикъ согласенъ упростить (стр. 103), но обязательно съ установленьемъ полнаго единообразія, безо всякой двоякости—какія бы тутъ могли быть упрощенныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ точныя правила, мнѣ несовсѣмъ ясно.

Итакъ, Т—нъ уступаетъ лишь въ двухъ-трехъ мелочахъ, въ общемъ же онъ видитъ въ обоихъ докладахъ «насилія, противъ каковыхъ выступаетъ и наука, и все грамотное общество» (стр. 105); хотя самъ отмѣчаетъ — правда, не безъ оговорки относительно какихъ-то «психологическихъ и физіологическихъ причинъ», т.-е. той же привычки,—что это простая косность. Даже для школы, кромѣ устраненія ѣ, установленья постояннаго з въ приставкахъ «воз, из, низ, раз», да еще упрощенія переноса, проектъ будто бы серьёзнаго значенія не имѣетъ (стр. 118). Пусть такъ (срв. однако мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 35); но вѣдь уже устраненье одного ѣ есть громадное облегченіе. Еще надо принять во вниманіе, что, устраняя нѣкоторыя правила, трудныя и произвольныя, мы косвенно облегчаемъ усвоеніе другихъ, болѣе разумныхъ, коренящихся въ самомъ языкѣ: выигравъ время, на нихъ можно будетъ продѣлать большее число упражненій, притомъ упражненій не лишенныхъ назидательности [14]). Впрочемъ помоему все-таки желательно сократить занятія по орѳографіи, хотя Т—нъ на это ни за что́ не хочетъ согласиться; лучше-де, если ужъ нужно облегченіе, произвести его насчетъ алгебры, тригонометріи, исторіи и чего угодно! (стр. 123).

При всемъ этомъ Т—нъ признаётъ «труд-

[14]) Таково сопоставленье родственныхъ словъ, напр. «тяжкій—тяжесть—тягость—тяготиться». Оговорю однако, что про тѣ же связи и тѣ же звуковые переходы можно бы толковать и при чисто-звуковыхъ написаніяхъ.

ность усвоенія историческаго письма, которое справедливо приравниваютъ къ изученію отдѣльнаго языка» (стр. 12, срв. 59, 61, 124), и приводитъ указаніе, что Вольтеръ и Руссо не выдержали бы элементарнаго испытанія по орѳографіи (стр. 48). Съ другой стороны, онъ признаётъ легкость фонетическаго письма (стр. 22, срв. 70); отмѣчаетъ (стр. 93), что наше письмо все-же въ основаніи звуковое, что при чтеніи вслухъ и писаніи подъ диктовку, а также при чтеніи и писаніи всѣхъ не вполнѣ грамотныхъ, звуковая сторона является существенной составною частью, и что правописаніе тѣмъ легче усваивается, «чѣмъ легче опредѣлить букву, которою изображается каждый звукъ даннаго слова». Правда, въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что въ фонетическомъ письмѣ (онъ видно примѣшалъ фонетическую транскрипцію) было бы труднѣе разобраться, и что «правописаніе культурнаго народа можетъ быть только историческимъ» (стр. 23, срв. 45—46). Въ этомъ случаѣ Т—нъ крайне требователенъ относительно культурности, и, какъ фонетиковъ, записалъ въ дикари сербовъ, испанцевъ, итальянцевъ, древнихъ грековъ и индусовъ. Зато онъ очень нетребователенъ насчетъ историчности, и для практическаго правописанія считаетъ историческимъ все то́, что̀ непосредственно унаслѣдовано каждымъ пишущимъ изъ общеупотребительнаго въ данное время правописанія, напр. «цвѣлъ» черезъ ѣ и «мелкій» черезъ е, каковыя начертанія—невѣрныя какъ фонетически, такъ и исторически [15])—у него получили громкую кличку «традиціон-

---

[15]) Исторически, т. е. по исторіи русскаго языка, что̀ впрочемъ въ сущности совпадаетъ съ этимологіей его словъ, а часто и съ ихъ фонетикой. Срв. лекцію, стр. 2—3.

ныхъ» или «традиціонно-историческихъ» (стр. 54). Готовъ онъ одобрить въ правописаніи все существующее, т. к. всякое историческое правописаніе складывается при естественномъ взаимодѣйствіи тѣхъ факторовъ, съ которыми вообще нужно считаться при письмѣ (стр. 79 прим.). Въ противоположность этому крайнему оптимизму, продолжаю думать, что главные факторы въ развитіи нашего правописанія и подобныхъ ему, это подчеркиваемыя у меня при моей лекціи, въ 4-мъ положеніи, недостаточная приспособленность пришлой азбуки, механическое сохраненье устарѣвшихъ написаній и мудрствованіе малосвѣдущихъ грамматистовъ.

Отстаиваемое имъ ходячее письмо у Т—на, для пущей важности, получаетъ новое, громкое названіе «морфологическаго» (стр. 36), каковое наименованіе впрочемъ столь же примѣнимо и къ нашему упрощенному письму, да и къ чисто звуковому, при коемъ ясно выступаетъ дѣйствительная морфологія живой рѣчи.

Пуская для научной доказательности въ ходъ свою психологію, Т—нъ говоритъ, что психическій процессъ писанія другой, чѣмъ говоренія, процессъ чтенія другой, чѣмъ слушанія, и что поэтому къ письменному языку нельзя прилагать мѣрку устнаго языка (стр. 60). Несомнѣнно это процессы не совсѣмъ сходные; но они тѣсно связаны другъ съ другомъ (т. к. писанье—замѣна устной рѣчи, чтенье—слушанія) и лишь насильственно разрываются тѣмъ же искусственнымъ правописаніемъ, которому поклоняется нашъ оппонентъ [16]).

---

[16]) Иные противъ возможности писать, какъ говорятъ, ссылаются на важность въ живой рѣчи интонаціи и жестовъ, а также на возможность переспросить собесѣдника. Насчетъ

Пространное разсужденіе Т—на, такъ же, какъ и Будиловичево, можетъ оказаться чрезвычайно вреднымъ для дѣла, если иные люди, которые собственно должны бы прямо признаться, что пишутъ и будутъ писать, какъ привыкли, станутъ говорить, что они пишутъ, и что всѣ должны писать, не по невѣжественнымъ проектамъ педагогическихъ обществъ, а по «лингвистической теоріи» профессора Т—на.

Значительно инымъ образомъ разсуждаютъ о задуманной реформѣ академики Ягичъ и Коршъ.

Ягичъ, въ XXIII томѣ своего «Архива для славянской филологіи», стр. 576—579, въ 1901 году, помѣстилъ отзывъ о моей лекціи. Здѣсь онъ высказывается противъ рѣшительно-фонетической реформы, но допускаетъ умѣренную и выражаетъ желаніе болѣе свободнаго движенія въ орѳографической области.

Сомнѣвается онъ однако въ своевременности моего замысла, т. к. рѣдко выдаются удобные моменты для реформъ, каковой былъ въ Сербіи при Вукѣ Караджичѣ, въ Хорватіи въ пору иллиризма (литературнаго объединенья съ сербами), въ Россіи—при Петрѣ Великомъ Возможность въ указанные періоды реформъ, конечно, явствуетъ изъ того, что онѣ дѣйствительно были произведены, но невозможность реформъ въ настоящее время ничѣмъ не доказана; да вѣдь и тогда реформы проходили отнюдь не съ общаго согласья.

интонаціи срв. отвѣтъ Бѣлкину, стр. 31; насчетъ жестовъ скажу, что на нихъ обыкновенно не смотрятъ, иные же изъ нихъ могутъ быть выражены словами. Что жъ до переспроса, то собесѣдника не всегда можно переспросить, оратора же и лектора почти никогда; а съ другой стороны писаное можно перечитать много разъ, да и пишущій уже перечитывалъ свои выраженія и въ случаѣ неясности исправилъ.

Въ частности Я—чъ говоритъ въ своей замѣткѣ, что ѳ и ѵ легко могли бы быть устранены, и что къ отсутствію ъ привыкнутъ сами собой, если только почаще опускать его въ печати [17]). Вопросъ о двоякомъ і онъ считаетъ не особенно важнымъ. За ѣ однако Я—чъ заступается, потому что онъ имѣетъ этимологическій смыслъ.

Въ XXIV томѣ Архива, стр. 314—320 (въ 1902 г.), Я—чъ напечаталъ нѣмецкій переводъ моего, вызваннаго этою замѣткой письма, содержащаго изложеніе и краткую защиту предполагаемой реформы. Въ примѣчаньи къ моему письму (здѣсь, ниже, перепечатанному) Я—чъ признаётъ возможность удалить также ѣ (хотя и не находитъ употребленье этой буквы особенно труднымъ и желалъ бы его только лучше урегулировать) -настаиваетъ лишь на томъ, что устраненіе ѣ-тя не столь настоятельно (nicht so naheliegend), какъ устраненіе ѵ, ѳ, і и ъ.

Въ теоріи же Я—чъ всякое упрощенье правописи и начальнаго обученія считаетъ допустимымъ. Рѣшительно онъ высказывается лишь противъ нашего обращенія въ министерство, т. к. по его взгляду правительство въ такихъ дѣлахъ непремѣнно должно быть консервативнымъ (Положенье, повторяемое Томсономъ, стр. 139—140). Однако этотъ взглядъ не достаточно считается съ условіями русской жизни. У насъ Правительство, слава Богу, не разъ становилось во главѣ разумныхъ движеній и производило настоящіе, смѣлые и благодѣтельные перевороты.

---

[17]) Противъ употребленья конечнаго ъ, какъ противъ безцѣльной траты времени и денегъ, онъ очень рѣшительно высказался уже въ 1877 году (Archiv für slavische Philologie, II, 682).

Ѳ. Е. Коршъ по общему направленію весьма близокъ къ Я—чу, на дѣлѣ же гораздо радикальнѣе—уже тѣмъ, что выступаетъ съ собственнымъ реформеннымъ проектомъ. Статья его «О русскомъ правописаніи» (56 страницъ) напечатана въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ VII (1902 г.).

Коршъ, правда, здѣсь въ одномъ мѣстѣ выразился совсѣмъ постаровѣрски, что «то́, что̀ еще уцѣлѣло отъ старины, правописаніе обязано свято сохранить» (стр. 66); но онъ соглашается со мною, что наше письмо шаткое, лженаучное (стр. 69), и далѣе утверждаетъ, что только одинъ человѣкъ, Алдр. Ае. Потебня, писалъ у насъ грамотно, причемъ письмо его менѣе ученымъ людямъ не по плечу (стр. 70). Онъ, одобряя статью Павла Никит. Сакулина (Курьеръ, 1 іюня 1901 года), признаётъ «законность попытокъ къ созданію новой орѳографической системы, значительно упрощенной» (стр 39—40), а потомъ даже очень рѣзко говоритъ (стр. 63—64) о необходимости «на-чисто отказаться отъ разныхъ ухищреній и ото всего того, что хоть было, да быльемъ поросло», и выставляетъ (стр. 72) положеніе, что правописаніе «тѣмъ легче, чѣмъ меньше въ немъ условнаго».

Отмѣтивъ, что у меня хорошо обоснована лженаучность теперешняго письма, К. однако отрицаетъ для русскаго языка возможность чисто звукового письма. Я же со своей стороны, несмотря на его возраженія, остаюсь убѣжденнымъ, что существуетъ, при незначительныхъ колебаніяхъ, общерусскій литературный выговоръ, который благодаря звуковому письму установился бы еще точнѣе [18]), и что отлично можно бы

[18]) Лекція, стр. 7. Срв. у самого Корша (стр. 54): «вслѣдствіе вліянія орѳографія на выговоръ все болѣе и

(если бъ не сила привычки да пристрастіе къ областнымъ говорамъ) воспроизводить на бумагѣ звуки образованной рѣчи, не справляясь ни съ какой этимологіей и морфологіей, причемъ дѣйствительная грамматика живого русскаго языка обнаруживалась бы сама собой. Совсѣмъ ужъ не могу признать довода (стр. 41), что звуковое письмо существуетъ только у народовъ съ весьма цѣлостнымъ, или же, напротивъ того, съ весьма раздробленнымъ діалектически языкомъ, а при среднемъ состояніи, каковое замѣчается въ русскомъ языкѣ, невозможно. Оставляя въ сторонѣ языки, почти лишенные мѣстныхъ особенностей (да есть ли такіе?) скажу, что если орѳографія по литературному выговору можетъ объединять далеко разошедшіяся нарѣчія, то тѣмъ болѣе на ней могутъ помириться близкія другъ къ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ нарѣчію литературному.

Это впрочемъ частный, даже чисто-теоретическій споръ между мною и Ѳедоромъ Евгеньевичемъ [19]); но вотъ возраженіе, при которомъ я надѣюсь на широкое сочувствіе. Коршъ (стр. 39), осуждая ярыхъ консерваторовъ, осуждаетъ и тѣхъ, кто радъ всякой реформѣ всякому упрощенію. Съ ученой точки зрѣнія, конечно, послѣдовательность чрезвычайно важна; однако на практикѣ всякое упрощеніе слѣдуетъ привѣтствовать. Такъ напр. буква **ѣ** (это говоритъ Ягичъ, да и я самъ въ своей лекціи, стр. 32) имѣетъ больше историческаго права пребывать въ русской азбукѣ, чѣмъ **і** рядомъ съ **и** и **ѳ** рядомъ съ **ф**; но, если бы учебное начальство пошло на реформу, усвоивъ притомъ томсоновское мнѣніе, что ее

болѣе будетъ вырабатываться общелитературное произношеніе».

[19]) Этому спору ниже посвященъ особый экскурсъ.

можно производить лишь пунктъ за пунктомъ (Къ теоріи правописанія, стр. 137), я не задумался бы попросить «для малыхъ сихъ» прежде всего объ устраненіи ѣ.

Какъ принципъ своей орѳографіи, Коршъ выставляетъ изображенье идеально объединенной великорусской рѣчи, которая (въ вѣрности такой хронологіи я сомнѣваюсь, да не вижу въ ней и надобности) приблизительно соотвѣтствуетъ языку XV столѣтія.

Я, со своей стороны, полагаю, что облюбовавшій XV столѣтіе долженъ бы скорѣе примкнуть къ его орѳографіи, чѣмъ къ не долетающимъ до насъ звукамъ,—полагаю еще, что языкъ XX столѣтія имѣлъ бы больше правъ на вниманіе, и что, разъ считаться съ областною рѣчью, то надо посчитаться и съ тѣмъ, что общерусская рѣчь должна служить также малороссамъ и бѣлоруссамъ. Сомнѣваюсь притомъ, чтобы въ XV столѣтіи дѣйствительно было все то, что К. вводитъ въ орѳографію. Вообще остаюсь при убѣжденіи, что принципъ Московскаго педагогическаго общества, т.-е. принципъ этимологіи живого литературнаго языка, куда опредѣленнѣе и основательнѣе (А еще опредѣленнѣе—хотя тоже не математически точенъ—мой принципъ литературной фонетики).

Эти теоретическія возраженія впрочемъ не особенно важны, т. к. на дѣлѣ коршевская орѳографія близко подходитъ, если не всегда къ проекту московскихъ педагоговъ, то ко взглядамъ нашей орѳографической комиссіи.

Коршъ, какъ и педагогическое общество, исключаетъ изъ азбуки буквы ѵ, ѳ, і и ъ. Какъ оно, онъ устраняетъ ь послѣ шипящихъ, напр., въ словѣ «полночь». Какъ оно, ставитъ послѣ ж и ш вм. и—ы: «жыр, шыло»

(однако послѣ двойного ж, которое мягко,—и: в о ж ж и). Какъ оно, пишетъ -ово, -ево: «тово, сево, доброво». Согласно съ русскимъ отдѣленіемъ общества, онъ пишетъ -ой вм. -ый: «доброй». Различья родовъ во множ. ч. прилагательныхъ онъ тоже не признаётъ, только, что обобщаетъ не -ыи, -ии (какъ отдѣленіе и общество), или -ые, -ие (какъ комиссія), а -ыја, -ија. Несомнѣнно онъ не признаётъ также (это вѣдь выдумки) двоякаго написанія формы «её» и различенье по родамъ формъ «они, одни» и «онѣ, однѣ».

Главное отличіе коршевскаго письма въ томъ, что вводятся двѣ латинскія буквы: h и j.

Буква h является въ такихъ словахъ, какъ «блаhо, тоhда», т.-е. въ томъ значеніи, въ какомъ орѳографическая комиссія предлагала писать (что было отклонено русскимъ отдѣленіемъ) г[20]).

О іотѣ также думала комиссія, но не рѣшилась прямо ввести его, опасаясь господствующаго предразсудка противъ латинскихъ буквъ. Введши j, Коршъ, какъ Караджичъ, изгналъ буквы я и ю; онъ, значитъ, напишетъ «j-а-м-а, j-у-г». Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется э, такъ что русская «јель» напишется съ j, а англійское пиво «эль» получитъ обыкновенное е[21]). Для обо-

---

[20]) Здѣсь возникаетъ затрудненіе, отмѣчаемое самимъ К—шемъ (стр. 87): совпаденье прописного h съ нашимъ Н. (Срв. однако стр. 10, прим., и урѣзанное К на 56).

[21]) К. сохраняетъ однако й: «зимней, тройка», что помоему хорошо, ибо й значительно разнится отъ того звука, который слышится въ зачинѣ реченій: «јель, јаблоко, југ, јомкой». Срв. мою статью «Мнѣніе г. Тулова» (и по его поводу—мое) «о русскомъ правописаніи». «Рус. Филол. Вѣст.», т. V, 1881 г., стр. 361. Но я не сталъ бы писать

значенья мягкихъ согласныхъ у К—ша (какъ давно предлагалъ Сумароковъ, срв. мою лекцію, стр. 37, прим.) и передъ гласными пишется ь: «огньа, вьорсты, льубил»[22]).

Ѣ у К—ша опредѣленъ на службу фонетикѣ: онъ обозначаетъ широкое е (французское è, нѣмецкое ä въ словѣ Aehre), противуполагаемое узкому е (é, нѣмецкому e въ Ehre). Такимъ образомъ слова вродѣ «задѣл, клѣтка, лѣс» сохраняютъ букву ѣ, но, «задеть, клеть, чернолесьjо»— ее теряютъ; зато «надмѣнной, жѣнской, лѣв, студѣнт, камергѣр и т. п.» получаютъ ее вновь. Это — крупная ломка, на которую врядъ ли согласятся другіе (срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 40—42); но должно признать, что она не создала бы особенныхъ затрудненій: для неразличающихъ слухомъ широкаго и узкаго е можно дать простое и почти исчерпывающее правило, что передъ твердыми согласными пишется ѣ, а передъ мягкими—е; а для того, кто слышитъ эту разницу, не потребуется никакого правила.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ у К—ша нѣсколько част-

---

j и между гласными: «волнистыja, попадajутса», т. к. въ такомъ положеніи слышится звукъ, если, пожалуй, не тождественный съ й, то болѣе близкій къ нему, чѣмъ къ j. Или же я, ради простоты и ради сближенья съ сербскимъ письмомъ и со славянскою латиницей, устранилъ бы ужъ также й.

[22]) При такомъ письмѣ самъ собой отпадаетъ рядъ усложнительныхъ фикцій нашей школьной грамматики: будто напр. формы «короля, -лю, -лемъ, -лямъ, -лями, -лахъ, швея, -ю, -ей, расходятся съ формами «стола, -лу, -ломъ, -ламъ, -лами, -лахъ, жена, -ну, -ной. Срв. у Грота, «Филологическія разысканія», изд. 2, т. I, стр. 273—274.

ныхъ измѣненій, о коихъ и я заговаривалъ въ нашей комиссіи; но которыя, какъ менѣе существенныя, или принадлежащія не столько къ правописанію, какъ къ праворѣчію, не были разсматриваемы и рѣшаемы. Такъ, онъ хочетъ писать «скушно» черезъ ш; «ходьут, тоньут, просьут» черезъ у; -са и просто -с вм. -ся и -сь: гнатса, гналса, гналас». Онъ рекомендуетъ, согласно обыкновенному выговору и аналогично написаніямъ «дѣлО, желѣзО», писать черезъ о «морьо, полье, доброjо дитьа и сильнеjо» (Но попрежнему «лучше, хуже», т. к. тамъ дѣйствительно слышится е [23]).

Такова коршевская орѳографія, которая настолько упрощаетъ грамоту, настолько соотвѣтствуетъ основной цѣли начинаній московскаго педагогическаго общества и даже настолько сходится съ его предположеньями, что оно, не препираясь о принципахъ и несущественныхъ подробностяхъ, могло бы принять ее цѣликомъ [24]). Жаль

---

[23]) Не было у меня только постояннаго, при безударности, въ положеніи послѣ гласныхъ, глагольнаго окончанія -ит: «пленьаит, рисуит», отъ коего К. не прочь (стр. 86 и 75, пр. 2). На такое письмо я лично, какъ убѣжденный фонетикъ, конечно, вполнѣ готовъ; однако считаю его несогласнымъ съ пріемами не только ходячаго, но и коршевскаго письма—особенно употребленье и въ формахъ «ку́ит, кльу́ит», при «куjо́т, кльуjо́т», этимологически недопустимо.

[24]) Впрочемъ я бы рѣшительно опротестовалъ одну мелочь: желанье обогатить русскую азбуку, ради иностранныхъ словъ, буквами, обозначающими ӥ и ӧ, для чего предлагаются ѵ и ѡ (стр. 84). Срв. мою рѣчь: «Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ», стр. 20. Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко, т. VIII. Срв. также у Грота: «Спорные вопросы русскаго

однако, что самъ авторъ не освѣдомился объ этихъ предположеніяхъ и не подчеркнулъ своей съ ними, въ общихъ чертахъ, солидарности; жаль также, что онъ полемизуетъ противъ моего фонетическаго идеала, а не отмѣчаетъ, что мои дѣйствительныя предложенія почти совпадаютъ съ евоными.

Итакъ, въ лицѣ К—па и Я—ча реформаторы могутъ привѣтствовать сильныхъ союзниковъ. Практики же педагоги, повидимому, въ огромномъ большинствѣ сочувствуютъ болѣе-менѣе значительной реформѣ.

Нечего, значитъ, смущаться проповѣдью лицъ, пренебрегающихъ интересами юношества и возводящихъ въ идеалъ свою привычку или примѣшивающихъ къ чисто житейскому вопросу политику и религію. Нѣтъ, можно надѣяться, что и въ этомъ дѣлѣ скажется здравый смыслъ русскаго народа, и оправдаются ободрительныя слова Тургенева (Хорь и Калинычъ): «русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя; онъ мало занимается своимъ прошлымъ и смѣло глядитъ впередъ».

правописанія», стр. 134 (Филологическія разысканія. 2 изд., т. II. Спб. 1876). Очевидно педагогическія общества одесское и казанское, а также педагогическое отдѣленіе Русскаго литературнаго кружка въ Ригѣ, мало расходящіяся съ нашимъ московскимъ обществомъ, также могли бы примкнуть къ Коршу (Указанье на взглядъ рижскаго кружка, а кромѣ того на сочувствіе реформѣ Неофилологическаго общества при петербургскомъ университетѣ заимствую у Будиловича, стр. 22, прим. Также авторъ цитуемой Б—чемъ замѣтки, г. Лямбекъ, видимо сочувствуетъ упрощенію).

Два приложенія.

I. Нѣсколько словъ въ защиту звукового письма.

Остаюсь при убѣжденіи, что у меня въ лекціи доказана не только лженаучность теперешней орѳографіи, но также возможность чисто-звукового письма. Повторю здѣсь вкратцѣ и отчасти дополню свои доводы (уже нѣсколько дополненные въ отвѣтѣ Алексѣю Серг. Бѣлкину [25]).

Если мы безъ ущерба для пониманія затемняемъ коренные звуки к и с въ нарѣчіяхъ «гдѣ, здѣсь, вездѣ» (Лекція, стр. 9—10), то очевидно и «прозьба» черезъ з нисколько не очасна [26]); если мы отлично понимаемъ, что р-а-з, р-а-с, р-о-з и р-о-с (стр. 21; прибавлю теперь еще р-а-з-о и р-о-з-о, хотя въ нихъ можно говорить и о вставкѣ), разновидности одного и того же предлога, и сознаёмъ связь между формами «распить, роспилъ, разопьемъ, разлить, розлилъ, разорвать и (чтобъ те) рòзорвало», то неужели у насъ не хватитъ сообразительности узнать, теперь намъ на письмѣ непривычныя, разновидности предлога «объ»: «облит, аблить, абалью, апхот»? Если можно соблюдать гротов-

---

[25]) Также въ письмѣ Игн. Викент. Ягичу (Срв. ниже, стр. 44—45).

[26]) Въ лекціи приведенныя нарѣчія сравниваются съ глаголомъ «здѣлать»; но лучше было бы взять другой примѣръ—если не теперешній, то хоть бы «здуть» или «збить»: въ первомъ глаголѣ предлогъ имѣетъ особое право писаться по слуху, ибо не означаетъ ни спуска, ни соединенія, а превратился въ безцвѣтную видовую приставку—знакъ завершённости.

скую орѳографію рАсти—рОсъ», то неужели такъ затруднительно написаніе «нАсить—нОсиш»? Если въ живой рѣчи, вовсе не думая о буквахъ, всякій легко справляется съ чередованіями **о-а** и **г-к-ж-ш**: «пираги́, пиро́к, пиража́к, пирашки́», то можно ли считать неудобнымъ соотвѣтственное чередованіе буквъ?—Нѣтъ, «зрительныя загадки» (Коршъ, стр. 61) существуютъ здѣсь только для людей, привыкшихъ въ такихъ случаяхъ не ко сходству рѣчей устной и писанной, а къ различью [27]). Притомъ на привыку есть отвычка; а у будущихъ поколѣній—если бы ввести звуковое письмо—и привычка была бы на его сторонѣ. Вспомнимъ, что никто не огорчается звуковыми написаньями вродѣ итальянскаго grazia черезъ z, несмотря на прикладокъ grato, или латинскими scripsi и scriptus (поитальянски еще рѣзче—scrissi и scritto), при scribere (поитальянски scrivere), ни даже греческими θρίξ—τριχός или τρέφω—θρέψω—θρεπτός, и не считаетъ необходимымъ возстановить въ чистомъ видѣ корни grat, scrib, θριχ и θρεφ. Да и у насъ никто не тужитъ, что мы не проводимъ въ послѣднемъ русскомъ примѣрѣ букву г и не пишемъ «пирогёкъ, пирогьки» [28]).

Коршево разсужденье насчетъ буквеннаго аканья (стр. 43) нахожу совсѣмъ неправильнымъ. Онъ ссылается 1) на неточность орѳографіи, при которой начальный

---

[27]) Да и тѣмъ только стоитъ отвлечься отъ буквъ и мысленно произнести написанное, чтобы получились хорошо знакомые звуки.

[28]) Съ высшей точки зрѣнія колебанья въ корняхъ и въ наставкахъ, конечно, нежелательны (мы не стали бы вводить ихъ въ какой-нибудь нарочно сочиняемый волапюкъ), оттого они д. б. такъ и поражаютъ насъ на письмѣ.

слогъ реченія «собака» писался бы съ тѣмъ же **а**, какъ конечный. См. Лекцію, стр. 8, или срв. просто слова «капуста» и «копыто», гдѣ между первымъ и третьимъ гласнымъ та же разница, какъ у слова «собака»; изъ чего слѣдуетъ, что безъ вреда для звуковой точности можно бы—съ большимъ упрощеніемъ—провести повсюду при безударности букву **а**. [29]) 2) Коршъ напираетъ на сѣверноруссное оканье, которое однако литературному языку не указъ, а, если пожалуй заслуживаетъ подражанія, такъ не только на бумагѣ, но и въ рѣчи (Срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 37, прим. къ 36). Вспомнимъ, что мы иногда, безо всякаго ущерба для смысла, допускаемъ акальскія написанія, напр. «канатъ, стаканъ, казакъ, касатка», отчасти отмѣчаемыя самимъ К—мъ (стр. 44); вспомнимъ также, что, обратясь за справками къ сѣверу, мы рискуемъ встрѣтить тамъ съ одной стороны «лОкея» и «кОрету», а съ другой—«сАлдата» и «парАходъ» [30]). Считаетъ онъ далѣе (какъ и всѣ привыкли считать), что имѣется «осязательная» и «практическая» причина не писать **а** вм. древняго **о**: это—связь между родственными формами. Но, при всей своей осязательности, эта причина не вѣская. Если можно сказать, что ввиду выговора «бо́роды, боро́дъ» должно (да къ тому же нетрудно) писать съ двумя **о** борода», то можно сказать и наоборотъ: т. к. выговоръ «бо́роды, боро́дъ» ясно указываетъ на происхожденье коренныхъ

---

[29]) Что нѣкоторыя тонкости при этомъ останутся невыраженными (стр. 59—60), я самъ вполнѣ сознаю. Лекція, тамъ же, и стр. 40. Вдобавокъ, т. к. оттѣнки безударныхъ гласныхъ зависятъ отъ мѣста ихъ относительно ударенія, то стоитъ обозначить послѣднее, и мы достаточно ясно укажемъ даже на эти оттѣнки.

[30]) Салдат произносятъ и малороссы!

гласныхъ въ словѣ «борода», то нѣтъ никакой надобности указывать на него посредствомъ орѳографіи. Точно также писать д, а не т, въ род. пад. «бородъ» и въ производномъ словѣ «бородка» не особенно трудно, но вовсе не нужно. Помоему этимологическое письмо, если отрѣшиться отъ привычки (правда, глубоко въ насъ засѣвшей!), представляется прямо комичнымъ, когда оно съ важнымъ видомъ растолковываетъ намъ то́, что̀ чувствуется всякимъ ребенкомъ. А соблюденье болѣе отдаленныхъ связей—т. е. связей, въ живой рѣчи уже не существующихъ—К. и самъ сочтетъ неумѣстнымъ [31]).

Требованія риѳмы, на которыя К. (подобно мнѣ Лекція, стр. 4) тоже ссылается, еще рѣшительнѣе говорятъ за чистую фонетику. К. же, правда, отмѣчаетъ, что теперешнее письмо ставитъ иногда въ ложный свѣтъ риѳму: оно то прикрашиваетъ ее, напр. «Боже—что же?» (частица «же» звучитъ «жа»), то клевещетъ на нее, напр. «поля пустыя—лѣса густые» (разница окончаній существуетъ лишь на бумагѣ); но затѣмъ онъ высказываетъ опасенье, что риѳма «молодъ—молотъ», написанная фонетически, т. е. въ обѣихъ частяхъ черезъ т, могла бы затемнить смыслъ (стр. 94). Не напирая на то́, что такихъ жалкихъ виршей, гдѣ было бы неясно, что̀ говорится о молодости и что̀ о молотѣ, и понимать-то не стоитъ; не подчеркивая, что въ рукопись и въ печать, по чьей-либо малограмотности, разсѣянности или недо-

---

[31]) Къ тому же мы неразъ затруднимся разграничить чутье и знаніе: такъ я думаю (наперекоръ К—шу, стр. 43), что слово «городъ» теперь вовсе не сродни слову «загородка» (Второе о этого слова однако все-таки можетъ быть услышано: въ производныхъ «подгорбльный» и «иногорбдній»).

гадливости, могутъ попасть начертанія именно противорѣчащія намѣреньямъ автора [32]),—отмѣчу только, что созвучіе «молодъ—молотъ» состоитъ въ полномъ тожествѣ, а при употребленіи разныхъ буквъ изображается невѣрно, такъ что богатѣйшая риѳма на письмѣ кажется нечистой [33]). Вообще чтобы больше выдвигалась звучность риѳмъ (да не однѣхъ риѳмъ, но цѣлыхъ стиховъ, и даже прозы) опять-таки весьма желательно чисто-звуковое письмо.

Опасаться, будто такое письмо повлечетъ за собой «истребленіе этимологическаго чутья» (стр. 61), совсѣмъ не приходится—напротивъ того, оно вѣрнѣе изобразитъ явленія разговорной рѣчи, ярче освѣтитъ законы живой грамматики. Теперешняя орѳографія заставляетъ насъ напр. говорить въ словахъ «сводъ» и «рѣжь» объ окончаніяхъ -ъ и -ь (изъ коихъ второго, въ видѣ настоящаго гласнаго звука, никогда даже не существовало—этимологически было бы лучше

---

[32]) Это случилось напр. у Тютчева:

И любо мнѣ, и сладко мнѣ,
И міръ въ моей груди. Сочиненія изд. 2, Спб. 1900 г, стр. 214.

[33]) Кстати приведу еще, какъ особенно яркій примѣръ, прекрасную—точную и нисколько не избитую—риѳму, которая на бумагѣ и не похожа на риѳму: «плавать—заводь».—А вотъ примѣръ, гдѣ желательно бы (т. к. сходство между сосѣдними риѳмами есть недостатокъ) подчеркнуть скрадываемое обычнымъ письмомъ различіе:

Онъ бѣшенъ, на лицѣ написана досада,
Но онъ соперникъ мой... и я—я очень радъ.
Хмѣльницкій. Говорунъ, сц. 3.

вм. -жь писать -жй [84]); коршевскія и комиссьённыя начертанія, положимъ, значительно исправляютъ дѣло, опуская ъ и ь, и заставляя насъ говорить о безсуффиксности,—но одни чисто-звуковыя написанія, кончающіяся на т и на ш, укажутъ намъ, что падежъ и наклоненье здѣсь все-таки характеризуются, а именно превращеніемъ согласныхъ д и ж въ т и ш. Поучительно въ томъ же смыслѣ и слово «фляжка». К. несомнѣнно правъ, что нельзя—по обычаямъ нынѣшняго письма—писать «фляшка» черезъ ш, несмотря на нѣмецкое Flasche, т. к. имѣются «фляжечка» и «фляга» (стр. 63); но напрасно онъ упускаетъ изъ виду, что всежъ довольно дико употреблять букву ж тамъ, гдѣ нѣтъ и никогда не было соотвѣтственнаго звука. На мой взглядъ въ данномъ примѣрѣ наше этимологическое письмо не выясняетъ, а затемняетъ этимологію. Выговоръ «фляжечка» и «фляга» вѣдь только потому и могъ возникнуть, что такія слова, какъ «ношка», «дарошка», имѣвшія при себѣ разновидности «ножечка», «дарожечка» и «нага», «дарога», наравнѣ со словомъ «фльашка» содержали ш. Это и побудило меня (исключительно для выясненія дѣла, а не съ цѣлью какой-либо пропаганды) написать сравниваемыя здѣсь слова фонетически, какъ теперь, такъ и въ своемъ разборѣ «Этимологическаго словаря» Миклошича, подъ словомъ «Плосква», стр. 132 (Р. Ф. В., т. XXIII, стр. 300).

Что звуковое письмо (да не оно одно, а всякое письмо, менѣе мудреное, чѣмъ теперешнее) можетъ по-

---

[84]) Еще я любителямъ производственности посовѣтовалъ бы писать й въ инфинитивахъ: «дѣлатй, судитй», также въ словахъ «матй» и «исполатй». Велительное «гладй» при этомъ пріемѣ было бы отлично отъ предметницы «гладь»

казаться инымъ интеллигентамъ столь же невѣжественнымъ, какъ письмо нашихъ дворниковъ и кухарокъ, и что это обстоятельство можетъ повредить всякой, даже самой умѣренной реформѣ (стр. 61), конечно, справедливо—срв. отзывъ одного «учителя» о проектѣ нашего педагогическаго общества въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1901 года, № 266 (27 сентября), стр. 3,—но тѣмъ неумѣстнѣе ученому подчеркивать ту неловкость, которую мы всѣ чувствуемъ при з'вуковыхъ написаніяхъ, а слѣдуетъ напирать на то́, что мы ее чувствуемъ только съ непривычки, не какъ ученые, не какъ живые люди, а какъ грамотеи. Незачѣмъ напр. говорить, что написаніе «патхот», съ **а** и съ двумя **т**, такое же безграмотное, какъ «аддаецца», съ **а дд** и **цц** (стр. 58)—долгъ ученаго признать (что̀ К. относительно перваго слова и дѣлаетъ, стр. 59), что эти начертанія—второе, если исправить въ немъ **е** на ё—отлично воспроизводятъ русскіе звуки, причемъ предлогъ ад- вмѣсто от- нисколько не сбивчивѣе теперешняго предлога раз- рядомъ съ рос- (напр. «раздать роспись»), окончанье же -цца нисколько не страннѣе малорусскаго -цця: «віддаéцця», или предлагаемаго самимъ К—мъ т. с-а: «пробирајетса» (стр. 76) [35]).

Относительно литературнаго произношенія я въ своей лекціи счелъ себя въ правѣ сказать, что оно «достаточно установилось» (стр. 3—4), и не вижу основаній отказываться отъ своихъ словъ.

Положимъ, иные образованные люди окаютъ, и произносятъ напр. слово «окно» такъ, какъ оно пишется; иные гакаютъ, т. е. надѣляютъ всѣ слова̀ такимъ **г**, какое слышится въ словахъ «Господь, благо»,—но не

---

[35]) Срв. отвѣтъ Бѣлкину, стр. 38, прим. къ 37.

подлежитъ сомнѣнію, что эти лица не обладаютъ настоящимъ литературнымъ произношеніемъ. Спорными являются лишь нѣкоторые частные случаи, въ коихъ мы съ Ѳедоромъ Евгеньевичемъ могли бы разрѣшить двоякое написаніе (Лекція, стр. 4; Коршъ стр. 65 и 72).

Къ тому же обыкновенно намъ можно бы и столковаться. Возьму для примѣра два слова, о которыхъ большинству реформаторовъ нечего и говорить, но которыя возбуждаютъ сомнѣніе при коршевскомъ различеніи буквы е, какъ узкаго, и ѣ, какъ широкаго е. Разумѣю слова «скрежетъ» и «дѣвка», послѣднее въ падежахъ мягкаго окончанія: «дѣвкѣ, дѣвки». Первое реченье по моему выговору должно бы сохранить букву е, а по коршевскому—писаться на первомъ мѣстѣ черезъ ѣ, какъ чистая риѳма на глагольную форму «рѣжетъ» (Пушкинъ, Полтава, п. III, Коршъ стр. 73, прим. [36]). «Дѣвки» же, при моемъ выговорѣ и при коршевскомъ письмѣ, также остаются при своемъ, а покоршевски мѣняютъ ѣ на е. Въ обоихъ случаяхъ мнѣ естественно не воспользоваться предлагаемою мнѣ (стр. 72) льготою, а уступить. Слово «скрежетъ» очевидно мною (или другимъ, у кого я его перенялъ) было прочтено добросовѣстно, съ узкимъ звукомъ въ конечномъ слогѣ, что вызвало мягкость звука ж, а вмѣстѣ съ тѣмъ узость перваго е,—каковому чтенію могли благопріятствовать тождесуффиксныя слова «лепетъ» и «трепетъ». Живой выговоръ для этого—правда, не очень живого—реченія

---

[36]) Впрочемъ, пожалуй, все-таки несовсѣмъ чистая, ибо есть, кажется, нѣкоторая разница въ конечномъ слогѣ: глаголъ представляетъ тамъ ы, а имя—совсѣмъ глухой звукъ.

есть, конечно, коршевская фонема «скрѣжът». [37]). Во второмъ словѣ, при мягкости звука к, предшествующій ф не могъ сохранить слѣда давно исчезнувшаго ъ, а долженъ былъ умягчиться и сузить предшествующее ему е—мои «дѣфъки», очевидно, взяли твердость и широкость у другихъ падежей [38]).

Напротивъ того, относительно сочетаній е-ш и е-ж передъ мягкостью, напр. «вешьний, прежьний, вежьливый», мой говоръ заслуживаетъ предпочтенія. Тутъ звуки, нѣкогда несомнѣнно мягкіе, имѣли за собою оставлявшій по себѣ мягкость ь и по онѣмѣньи послѣдняго очутились передъ мягкостью—откуда же тутъ могла возникнуть коршевская твердость: «вѣшъний, прѣжъний, вѣжъливый»? Очевидно, уста, вообще отвыкшія (вслѣдствіе отвердѣнія слоговъ «жя, шя, же, ше, жи, ж-ь, ш-ь») произносить мягкіе шипящіе, внесли твердыя ж и ш также туда, гдѣ при звуковомъ развитіи должны были сохраниться мягкія. Также и губнымъ при подобныхъ условіяхъ, напр. «хлебьник, древьний, гребля» (въ послѣднемъ словѣ б издавна соприкасалось съ мягкимъ л) не было основанія твердѣть [39]).

---

[37]) Подобнымъ же образомъ (съ мягкостью и съ узостью) я произношу слова «посмѣшище» и «убѣжище». Срв. «пристанище», «пожарище», а также польское nasi—s равно мягкому ш—вм. стариннаго naszy, по образцу ci=ти, oni. Произношу я еще и «медвѣжьй»; но здѣсь, кромѣ сходныхъ образованій «оленій, лисій», могло вліять и созвучіе жj (у меня—мягкое), въ другихъ родахъ и падежахъ: «медвѣжья, -ье, -ьяго» и т. д.

[38]) Это я признаlъ уже въ своихъ Лекціяхъ по исторической грамматикѣ русск. языка. Москва 1892, стр. 132.

[39]) Мимоходомъ замѣчу еще, что коршевскія «дефьки» плохо ладятъ съ его «хлѣбъником».

Относительно моихъ «провинцьялизмовъ» [40]), при коршевскихъ «провинцыализмахъ» (стр. 53), судить нѣсколько труднѣе. Я здѣсь не прочь отъ двоякости, хотя вѣсы все-таки какъ будто склоняются въ мою сторону. Коршево указанье, что выговоръ съ «цj» — нѣмецкій, свидѣтельствуетъ не противъ такого выговора, а въ его пользу: думаю, что едвали не всѣ спорныя слова заимствованы именно у нѣмцевъ, съ готовымъ j [41]), и что «ыа» есть только добросовѣстное чтеніе, вродѣ моего узко-мягкаго «скре́жета», каковому чтенію въ данномъ случаѣ могло благопріятствовать заимствованное отдѣльно «провинцыя». Сочетанья «цj» дѣйствительно нѣтъ ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ (нѣтъ его также ни въ одномъ чисто-нѣмецкомъ), но оно настолько похоже на обычныя «чj, сj, тj» — «птичья, лисья, сватья», — что не можетъ считаться страннымъ, тогда какъ «ыа» довольно-таки уродливо. (На эту группу я у Даля нашелъ лишь совсѣмъ необычные примѣры: «выалѣть, выалюсить, выахать, выопихать, выорать и выострять»). А ужъ сокращенье при моемъ выговорѣ длинноватыхъ «провинцыализмовъ, спецыальностей и апелляцыонныхъ инстанцый» положительно въ духѣ русскаго языка [42]). Притомъ «провинцьял» аналогично выговору «провьянт,

---

[40]) Звукъ ц у меня, кажется, въ такихъ словахъ не мягкій, а средній; букву же ь, а не ъ, я употребляю въ нихъ по обычнымъ пріемамъ русской графики (срв. «шью», «ружье»).

[41]) Срв. отмѣчаемый самимъ К—мъ (стр. 79) нѣмецкій или шведскій выговоръ слова «генералъ» (съ j), о коемъ говорится и въ моихъ Лекціяхъ (Фонетикѣ), стр. 115.

[42]) Затронутыя здѣсь судьбы латинской наставки -tion представляютъ яркій примѣръ того, какъ языкамъ иногда трудно приходится съ пришлыми словами. Въ данномъ случаѣ особенно колебался польскій языкъ, гдѣ те-

матерьял, церемоньял», который во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ «провіантъ, материалъ и церемоніалъ». Срв. развившіяся въ житейскомъ обиходѣ «крестьянинъ, Ульяна, Демьянъ.

Положительно К. преувеличиваетъ разногласье изслѣдователей относительно русскаго произношенія, говоря, что онъ самъ, Вас. Алексѣев. Богородицкій и я— «всѣ трое разно» писали объ этомъ предметѣ (стр. 72). Въ дѣйствительности у насъ гораздо больше сходства, чѣмъ различія, да и различіе почти исключительно касается такихъ тонкостей, которыхъ никто не предлагаетъ выражать на письмѣ.

Итакъ, я продолжаю утверждать, что *есть возможность установить* достаточно точное и во всякомъ случаѣ, для умѣющихъ правильно произносить, *чрезвычайно простое фонетическое письмо*. Къ тому же я полагаю, что подучиваться на звуковыхъ написаніяхъ дѣйствительнымъ свойствамъ литературной рѣчи [43]) было бы куда полезнѣе, чѣмъ изучать «звуковую сторону всего великорусскаго языка, идеально сведеннаго къ единству» (стр. 72, внизу), т. е какую-то, хотя и остроумную, *фикцію*.

перь преобладаетъ упоминаемое К—мъ cj, но рядомъ съ prowincja употребляется также prowincyja, prowincya, а въ старину да въ народѣ еще и съ польскимъ удареніемъ prowincẏa, prowincẏja. Срв. мое Начертаніе славянской акцентологіи, стр. 176 и 178, прим. 4. Мимоходомъ замѣчу, что я несогласенъ съ К—мъ насчетъ обычности у образованныхъ россіянъ произношенія poèt, yakobinets, süjèt, büro (стр. 84)—на мой слухъ это произношеніе манерное.

[43]) Срв. указанье самого К—ша (стр. 52), что «какіе звуки отмѣчены правописаніемъ, только тѣ и существуютъ въ сознаніи большинства грамотныхъ».

2. Открытое письмо академику Игнатію Викентьевичу Ягичу [44]).

Москва 17/29 декабря 1901 года.

Глубокоуважаемый Игнатій Викентьевичъ!

Вслѣдствіе Вашего отзыва въ «Архивѣ» о моей публичной лекціи позволю себѣ обратиться къ Вамъ съ настоящимъ письмомъ.

Мнѣ очень отрадно, что Вы также высказываетесь за упрощеніе орѳографіи (за устраненіе ера Вы говорили уже ранѣе). Вамъ, вѣроятно, вскорѣ придется судить объ этомъ вопросѣ въ качествѣ академика, т. к. по случаю моей лекціи, повторенной затѣмъ въ видѣ реферата въ состоящемъ при университетѣ Педагогическомъ обществѣ, въ Русскомъ его отдѣленіи, — послѣднее вспомнило о подобныхъ же мысляхъ заслуженнаго, теперь уже покойнаго преподавателя Влад. Петр. Шереметевскаго, и образовало подъ моимъ предсѣдательствомъ орѳографическую комиссію, въ которую вошли преподаватели Павелъ Никитичъ Сакулинъ, Иванъ Павловичъ Казанскій и Сергѣй Григ. Смирновъ, и куда нами былъ приглашенъ, въ качествѣ консультанта, также академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Надъ этимъ же вопросомъ въ то же время работало и другое отдѣленіе

---

[44]) Письмо это сдѣлалъ открытымъ самъ почтенный адресатъ, любезно напечатавъ его, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ своемъ «Архивѣ» (Archiv für slavische Philologie, XXIV, 314—319). Считаю не лишнимъ напечатать и русскій подлинникъ.

общества—отдѣленіе начальнаго образованія, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ Мих. Сем. Семеновъ. Предположенія этого отдѣленія и наши, которыя по большей части совпадали, разсматривались затѣмъ въ засѣданіяхъ отдѣленія русскаго языка и въ соединенныхъ засѣданіяхъ обоихъ отдѣленій, а наконецъ въ общихъ засѣданіяхъ общества. Теперь проектъ, принятый съ небольшими измѣненіями, пошелъ на разсмотрѣніе Министерства, которое мы просимъ, запросивши мнѣнія компетентныхъ лицъ (особенно Академіи Наукъ), образовать для выработки упрощенной орѳографіи особую комиссію. Проектъ (къ коему приложенъ рядъ дополнительныхъ личныхъ мнѣній, по большей части моихъ) значительно умѣреннѣе того, что я предлагаю въ лекціи.

Впрочемъ уже и въ лекціи я, выставивши фонетическій, караджичевскій идеалъ, выступаю однако лишь съ довольно умѣренными предложеніями. Вѣдь я допускаю, какъ уступку обычаю и колокольному патріотизму, оканье (тѣмъ болѣе различеніе, несовсѣмъ совпавшихъ, безударныхъ **е** и **и**), допускаю нефонетическія написанія вродѣ с-д, в-к (сдать, ловко). Но все-таки я полагаю, что людямъ науки не слѣдуетъ особенно напирать на силу обычая: о ней безъ насъ всѣ твердятъ, наше же дѣло отвѣтить на вопросъ, не будетъ ли упрощеніе орѳографіи (трудности которой никто почти не отрицаетъ) нарушеніемъ свойствъ русскаго языка и обидою наукѣ. А на это, конечно, отвѣтъ, что напр. свойства сербскаго языка отъ караджичевой реформы не только не исказились, а напротивъ того выступили яснѣе.

Относительно пользы этимологическаго письма для науки надо подчеркнуть, что мы все равно не можемъ

руководствоваться его (далеко не надёжными) показаніями, а относительно практической цѣны слѣдуетъ указать на то, что тамъ, гдѣ имѣется живая связь, она отлично сознаётся всѣми, даже неграмотными: всякому понятно, что звуковое сочетаніе в-о-с означаетъ тотъ же предметъ, какъ в-а-з-а, только въ другомъ количествѣ, что л-о-в-ъ-к и л-а-ф-к-а одно и то же, только что первое относится къ мущинѣ, второе къ женщинѣ; такія дѣйствительныя связи при обученіи чтенію и письму порываютъ, пріучая учениковъ къ начертаніямъ вродѣ в-о-з-ъ, и замѣняютъ новыми, искусственными связями. Противъ этой пошлой схоластики, которая чрезвычайно гордится тѣмъ, что заслоняетъ дѣйствительныя свойства живой рѣчи, я и возстаю, да и Вы, навѣрное, ей вовсе не сочувствуете, хотя это и могли бы, пожалуй, вывести изъ Вашей статьи ревностные апологеты священной привычки. Указываемые у меня промахи нашей грамоты не единичные случаи (каковые можно указать и у Караджича), а типичные примѣры повсемѣстной борьбы двухъ противуположныхъ принциповъ, изъ коихъ этимологическій принципъ есть начало искусственное, ложное, почему обязательно провозгласить (по крайней мѣрѣ въ теоріи—а мы вѣдь люди теоріи), если ужъ не вполнѣ звуковое письмо, по литературному (когда пишутъ на мѣстномъ нарѣчіи—по мѣстному) выговору, то преобладаніе фонетики во всѣхъ сколько-нибудь сомнительныхъ случаяхъ. Также существованіе уже въ настоящее время нѣкоторыхъ, несогласныхъ съ общею системою, звуковыхъ написаній имѣетъ принципьяльное значеніе: оно доказываетъ возможность писать всегда фонетически [45])—какъ смыселъ реченій «мель, семья»

[45]) Иной м. б. возразитъ мнѣ, что я дѣлаю здѣсь не-

и т. д. не затемнился отъ употребленія въ нихъ Е вм. Ѣ, такъ не затемнился бы смыселъ всѣхъ словъ, которыя пишутся теперь правильно черезъ Ѣ. Вообще я считаю обязательнымъ для филолога объяснять публикѣ, что исторія языка довольно некстати приплетается къ вопросу о литературной орѳографіи, и при всякомъ случаѣ готовъ процитовать слова Миклошича: «вотъ что выходитъ, когда насъ, чтобы писать на родномъ языкѣ, отсылаютъ къ ученымъ изслѣдованіямъ» [46]).

Что̀ касается постепеннаго пріученія публики къ новымъ начертаніямъ, то эту задачу могла бы себѣ поставить развѣ Академія или какое-нибудь вліятельное изданіе, или знаменитый писатель. Сами Вы притомъ нѣсколько опасаетесь возможности цензурныхъ затрудненій. И дѣйствительно, недавно нѣкто Каза́риновъ хотѣлъ напечатать въ Москвѣ книгу безъ ъ, безъ ь (вмѣсто него апострофъ) и безъ ѣ, но цензура затруднилась этимъ.

Въ виду такого положенія дѣла, надо считать желательнымъ выхлопотать свыше разрѣшеніе на реформу, хотя бы весьма умѣренную, какая и предлагается нашимъ педагогическимъ обществомъ.

Вотъ предположенія общества (довольно близкія къ моему фонетико-этимологическому письму и почти, но не совсѣмъ, тождественныя съ проектомъ орѳогра-

---

позволительное заключенье отъ частнаго къ общему. Дѣйствительно, въ такую ошибку впалъ бы какой-нибудь иностранецъ, который вывелъ бы изъ этихъ написаній, что русское письмо вполнѣ звуковое; но заключать отъ нихъ къ возможности такого письма вполнѣ правильно. (Корректурная приписка).

[46]) Das kommt heraus, wenn man um seine Muttersprache zu schreiben an gelehrte Forschung gewiesen wird.

фической комиссіи): 1) исключаются ѣ, ъ, ѵ, і и ѳ 2) ь пишется только тамъ, гдѣ нуженъ для произношенія: гнать, нянька, весьма, крестьянин; но гнатся, увлечся, ночь, мощь, лечь. Съ устраненіемъ ъ, въ раздѣлительномъ значеніи употребляется вездѣ ь: обьём, сьесть. 3) Послѣ ж и ш пишется не и, а ы: жыр, жыть, сушыть, и послѣ нихъ не пишется ь: рож, тиш. 4) Послѣ ц всюду проводятся ы: не только цыганъ, цыновка и т. п., но и цыкорий, цытадель, станцыя, лекцыя. 5) Послѣ шипящихъ и ц ударяемое о постоянно изображается на письмѣ: жорнов, шол, течот, прельщон. 6) Приставки воз, из, низ, раз, подобно безъ, чрезъ (черезъ) и другимъ префиксамъ, никогда не мѣняютъ з на с (Пунктъ комиссіей опротестованный). 7) Вмѣсто окончаній -ого, -аго и -его вводятся -ово и -ево: злово, доброво, синево, тово, ево. (Передъ этимъ пунктомъ стоялъ отклоненный Обществомъ пунктъ объ окончаніяхъ -ой и -ей вм. -ый и -ій: доброй, синей, великой, негой, тихой; или же -кый, -гый, -хый вм -кій, -гій, -хій: великый, негый, тихый). 8) -ыи и -ии для всѣхъ родовъ вм. различаемыхъ по родамъ -ые и -ыя, -іе и -ія (Члены комиссіи здѣсь, въ случаѣ установленія одного окончанія, склонны были предпочесть уже употребительное на письмѣ е). 9) Мѣстоименіе её писать такимъ образомъ, а не черезъ я, и въ качествѣ род. пад. 10) Всегда писать они и одни (Комиссія считала окончаніе -е (-ѣ) допустимымъ, но безъ закрѣпленія его за женскимъ родомъ). 11) Въ мѣстномъ падежѣ словъ на -ій, -ія, -іе и въ дат. пад. словъ на -ія допускается по общему правилу е (ѣ): о Василии, на линии, к линии, в этом здании или о Василие, на линие, к линие, в

этом здание. 12) Признаётся, что правила переноса не могутъ имѣть никакой научной обязательности, и рекомендуется только переносить слова по слогамъ, съ соблюденіемъ правила причислять согласную къ слѣдующей гласной, при стеченіи же согласныхъ или всѣ относить къ послѣдующей гласной или нѣкоторыя оставлять при предыдущей.

Эти предположенія педагогическаго общества, при всей своей умѣренности, все-таки посягаютъ на палладій русской грамоты—на букву ѣ: притомъ въ педагогическомъ обществѣ даже не раздалось ни одного голоса въ ея пользу. Неужели Вы будете въ самомъ дѣлѣ за нее стоять? Мнѣ думается, что Вы чувствуете къ ней не болѣе, какъ ту же нѣжность, въ которой я и самъ признаюсь въ своей лекціи (стр. 48, внизу),—но вѣдь это не значитъ быть убѣжденнымъ въ ея полезности. Въ употребленіи ѣ-я дѣйствительно сказывается уваженіе къ преданію, но уваженіе, соединенное съ непониманіемъ исторіи: писать въ XX столѣтіи букву, которая была умѣстна развѣ въ XII—это грубый анахронизмъ. Къ тому же орѳографія не есть уцѣлѣвшее до нашихъ временъ старинное зданіе. Если бы было такъ, я первый поспѣшилъ бы поднять на ноги Археологическое общество и не побрезгалъ бы даже содѣйствіемъ полиціи, чтобы спасти интересный памятникъ отъ варварскихъ рукъ усердныхъ не по разуму подновителей. Нѣтъ, орѳографія это—планъ, по коему всѣ пишущіе обязаны воздвигать новыя зданія, а такой планъ, если устарѣлъ, несомнѣнно долженъ быть передѣланъ и примѣненъ къ современнымъ потребностямъ. Мы, филологи, м. б. и вознаграждаемся въ полной мѣрѣ за трудъ изученія ѣ-я, когда онъ въ какой-нибудь формѣ «женѣ» напоминаетъ намъ о цѣлой цѣпи звуковыхъ переходовъ;

но достаточно ли вознагражденія, выплачиваемаго горсткѣ ученыхъ, за труды мильёновъ другихъ людей? Притомъ, если устранить ѣ, у будущихъ филологовъ тѣ же историко-сравнительныя воспоминанія прекрасно будутъ вязаться съ буквою е. А ужъ разработка сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, конечно, нисколько не пострадаетъ отъ удаленія новорусскаго ѣ. Но, можетъ быть, ѣ полезенъ для студентовъ-филологовъ? Вовсе не полезенъ, а вреденъ. Сколько разъ мнѣ приходилось читать въ студенческихъ рефератахъ взводимую на почтенныхъ черноризцевъ напраслину, будто они не умѣли употреблять букву ѣ, т. к. писали къде черезъ е, а обитѣль—черезъ ѣ. Вотъ плоды полузнанія, которое хуже невѣдѣнія! Тѣмъ менѣе ѣ полезенъ для обыкновенныхъ людей. Они выносятъ изъ школы такое понятіе о ѣ, что «есть, молъ, въ русской азбукѣ буква ѣ, которую чрезвычайно трудно отличать отъ е, каковую науку я наконецъ превзошелъ (или: никакъ не могъ усвоить)». Какое прекрасное свѣдѣніе! Между тѣмъ сколько драгоцѣннаго времени уходитъ на его пріобрѣтеніе. Мнѣ сдается въ добавокъ, что даже господствующимъ въ обществѣ предразсудкомъ противъ нашей бѣдной филологіи, непризнаваньемъ изслѣдованія живой человѣческой рѣчи живымъ дѣломъ, мы преимущественно обязаны тому обстоятельству, что школьная грамматика является прежде всего наукою о буквѣ ѣ и другихъ схоластическихъ ухищреніяхъ.

Что̀ касается вопроса о своевременности орѳографическаго похода, то вѣдь я и самъ нѣсколько сомнѣваюсь въ подготовленности русскаго общества (Лекція, стр. 29). Но мнѣ ждать дольше, кажется, не приходилось: сомнительно, чтобы я достигъ болѣе авторитетнаго положенія, чѣмъ имѣю теперь, а жизнь м. б. клонится

къ концу. Положимъ, именно въ 1899 году (печатно — въ 1901) я выступилъ случайно: хотѣлось мнѣ собрать нѣкоторую лепту для сербовъ-лужичанъ, въ пользу ихъ Будышинскаго народнаго дома, и когда затруднились разрѣшить мнѣ публичную лекцію о Мицкевичѣ, я пустилъ въ ходъ накопленный за много лѣтъ матерьялъ по правописанію.

А выступилъ я, пожалуй, какъ разъ въ удобный моментъ, когда производится реформа средней школы съ измѣненьемъ и расширеніемъ курса, на которое желательно выгадать время. Да и научное пониманіе русскаго языка теперь (по крайней мѣрѣ среди преподавателей) уже значительно повысилось — не даромъ въ послѣднія десятилѣтія съ университетскихъ каѳедръ излагались студентамъ дѣйствительныя свойства и соотношенія славянскихъ языковъ. Уже успѣхъ мой въ нашемъ педагогическомъ обществѣ, на каковой я самъ не разсчитывалъ, свидѣтельствуетъ о движеніи впередъ: въ 60-хъ годахъ, въ Петербургѣ, орѳографическія совѣщанья педагоговъ не вызвали такого ходатайства. Къ ходатайству этому вдобавокъ предполагаетъ примкнуть (вѣроятно, съ нѣкоторыми отступленіями въ подробностяхъ) нѣсколько иногородныхъ педагогическихъ обществъ.

Въ Академіи мы, кромѣ Филиппа Ѳедоровича Фортунатова, съ увѣренностью можемъ разсчитывать на Ѳедора Евгеньевича Корша и на Алексѣя Александровича Шахматова; полагаю, что и Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, мнѣнія котораго мнѣ не приходилось слышать, едвали можетъ отнестись къ нашему проекту отрицательно. Вы же, надѣюсь, замолвивъ (какъ филологъ передъ филологами) словцо за букву Ѣ въ такомъ случаѣ, гдѣ она пишется и по этимологіи, и по слуху (т. к. произносится ä), не будете настаивать на необхо-

димости употреблять эту букву въ житейскомъ обиходѣ по теперешнему способу вкривь и вкось, а тѣмъ менѣе на другихъ, уже совершенно произвольныхъ, правилахъ.

Еще одна частность. «Курьёзнымъ» по Вашему мнѣнію признаніемъ, что мнѣ самому легче писать обыкновеннымъ правописаньемъ, чѣмъ своимъ упрощеннымъ (Лекція, стр. 48, прим.), я предупреждаю указаніе на это со стороны противниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишній разъ подчеркиваю, что легкость нынѣшняго письма существуетъ для насъ, уже прошедшихъ школьныя мытарства, тогда какъ для учащихся имѣются большія трудности [47]).

Затѣмъ, въ надеждѣ, что Вы поможете намъ облегчить тяготу, по словамъ Шереметевскаго, «малыхъ сихъ», прошу Васъ принять увѣренье въ моемъ искреннемъ почтеніи. Прилагаю образчики новыхъ орѳографій.

Вашъ *Р. Брандтъ.*

---

[47]) Въ связи съ орѳографіей находится Ваше толкованіе инфинитива «идти» (Архивъ, т. XXIII, стр. 586). Я продолжаю держаться буслаевскаго объясненія, что д (конечно, не какъ таковое, и лишь ввидѣ усиленія звука т) внесено въ инфинитивъ изъ настоящаго—Лекція, стр. 49, прим 53, Сравнит. морфологія, стр. 462, прим. 2. «Ить» вѣдь нигдѣ не встрѣчается—старопольское ić тутъ, понятно, ни при чемъ,—да оно бы и уцѣлѣло, какъ «пить, вить, жать»; старинное «и-т-ь-т-и», полагаю, представляетъ Ь, какъ знакъ мягкости, и вмѣстѣ съ тѣмъ потому, что сдваиванье согласныхъ старинному письму чуждо.

Образцы моихъ орѳографій.

I. Звуковое письмо латинскими буквами.

Blaqadatj Qospada Boqa da budit sa fsemi vami. Bednyi (-yĭe, -yĭa) deti zgareli sa styda. Qde zdesj melaſnaĭa laſka? U Very xoltyi (-yĭe, -yĭa) glaza. Kakoĭa beçtviĭa! Universitet suſcestvuit i dle studentaf, i dle prafesarof. Etat prafesar uxe ne citait lekçiĭ (или: -çyĭ). Uxe?! Cort, gavarjat, corin. Oci jeĭo cerneĭa noci. U lisiç jestj nory, u ptiç—gnjozda. Na etaĭ jeli mnoga fyſak. Xyna da baitça muxa svaĭevo. Detki zabylisj nedeçkim snom. ſcastjja nam izmenila. Daĭ mne braçkaĭ paçaluĭ. Raskrylas açkaĭa bezna. Ceĭ eta pegaĭ xyrebjonacik? Dedunſka fsjo cital vethaĭ zavet. Ja pju ocinj xytkaĭ caĭ. ſto ty s nim zdelaiſ? Teperj zamecaiça opſciĭ padjom duha. Jim nuxyn oddyh. Boh naſ pamoſnik i zaſcitnik. Prijatnava sna! Sjest nacnjotça f pjatj cesof. Kak jevo nexut! A com menja prosjut? On etava neskaxyt.

Такое письмо, съ нѣкоторыми дополненьями, годилось бы и для другихъ славянъ. Напр. посербохорватски: konj, konja; kralj, kraljiça Ruĭna vina caſe pune sluxâhu se od junâkâ. A vaĭ, dugē nocji!

Именно мечта объ общеславянской (даже общеевропской, опять-таки съ приспособленьемъ къ мѣстнымъ потребностямъ) латиницѣ заставляетъ меня нѣсколько дорожить своимъ проектомъ русско латинской азбуки. Говорю «свой проектъ»; но конечно здѣсь, какъ и вообще въ моихъ правописныхъ затѣяхъ, очень мало своего.

Преимущество этого письма передъ діакритическимъ (чешскимъ) заключается въ томъ, что оно не

отпугиваетъ непривычнаго глаза массою своеобразныхъ знаковъ, и что для него не надо вырѣзать новыхъ буквъ: ç есть во французской азбукѣ, ĭ — въ латинской; послѣднее пришлось бы только отлить въ большемъ количествѣ. Побольше понадобилось бы также j, причемъ съ нѣкоторыхъ спилили бы точки, — этотъ же безточный j, перевернутый, служилъ бы длиннымъ ſ, т. е. ш. — Подобную утилизацію лишнихъ латинскихъ буквъ предлагалъ уже въ 1874 году (Вамъ вѣроятно извѣстный) Рожковскій — Écriture omnislave. Mémoire présentée à l'Académie d'Agram. Venise; однако его q въ значеніи ч и w въ значеніи ш ужъ слишкомъ условны. Рожковскій думалъ и объ упоминаемыхъ Вами удобствахъ телеграфнаго дѣла [48]).

2. Фонетическая гражданица.

Благадать Ґоспада Бога да будит са фсеми вами. Бѣдныи (-ыйѣ, -ыйа) дети згарели са стыда. Ґдѣ здесь мелашнайа лафка? У Вѣры жолтыи (-ыйѣ, -ыйа) глаза. Какойа бецьтвийа! Университѣт существуит и дле студѣнтаф, и дле прафесароф. Ѣтат прафѣсар уже не чітаит лѣкцый (лекьций). Ужѣ?! Чорт, гаварьат, чорин. Очі јейо чернейа ночі. У лисиц јесть нóры, у птиц — гньозда. На ѣтай јели многа шышак. Жына да баитца -мужа свайево. Дѣтки забылись недѣцким сном. Щастьја нам изменила. Дай мнѣ брацкай пацалуй. Раскрылас

---

[48]) Неизвѣстны мнѣ подробности русской латиницы, предлагаемой Международнымъ фонетическимъ союзомъ. Повидимому, это письмо удобно лишь какъ научная транскрипція или какъ учебная передача для иностранцевъ, но не для славянскаго обихода. Пав. Дм. Первовъ. Международная фонетическая ассоціація. Филолог. Зап., 1903 г., вып. IV—V.

ацкайа бѣзна. Чей ѣта пѣгай жыребьоначік? Дѣдушка фсьо чітал вѣтхай завѣт. Ја пју очінь жыткай чай. Што ты с ним здѣлаиш? Теперь замечаица опщій падјом духа. Јим нужын оддых. Бох наш памошник і защітник. Прија̀тнава сна! Сјѣст начньотца ф пьать чесоф. Как јево нѣжут! А чом меньа просьут? Он ѣтава нескажыт.

3. Мое полуэтимологическое письмо [49])

Благодать Господа Бога да будет со всеми вами. Бедныи (-ые, -ыя) дети сгорели со стыда. Где здесь мелошная лавка? У Веры жолтыи (-ые, -ыя) глаза. Какойо бедьствийо! Университет существует и дле студентов, и дле професоров. (Или же -оф, черезъ ф? [50]). Етот професор уже не читает лекцый (или лекций). Уже?! Чорт, говорят, чорен. Очи јейо чернея ночи. У лисиц јесть нóры, у птиц—гньозда. На етой јели много шышок. Жона да боитса мужа своево. Щастьјо нам изменило. Дай мне братской поцалуй (Или -це-? т. к. «цел». Срв. Лекцію, стр. 53). Роскрылас адская безна. Чей ето пегой жеребьоночок? Дедушка всьо читал ветхой

---

[49]) Здѣсь вмѣсто ьо, йо, јо можно подставить ё и сочетаніе ьё вмѣсто је—просто е и ье, а вмѣсто е въ началѣ словъ—э.

[50]) Опять краснорѣчивый примѣръ суетности этимологическаго принципа. Фонетически вполнѣ ясно, что надо писать ф; а этимологически? Съ одной стороны, конечно, русскій звукъ ф всегда есть древнее в (и то̀ за исключеніемъ нѣкоторыхъ пришлыхъ, но совершенно обрусѣвшихъ словъ, вродѣ «фитиль, лафа, кафтанъ, кофта»), однако, съ другой стороны, въ живой рѣчи здѣсь в никогда не обнаруживается.

завет. Я пью очинь жыдкой чай. Што ты с ним сделаеш? Теперь замечаетса общой подјом духа. Јим нужон отдых. Бог, наш помошник и защитник. Пријатново сна! Сјезд начньотса в пять часов. Как јево нежут! О чом меня просют? Он етово нескажот.[51]).

4. Письмо московской орѳографической комиссіи (Съ оговорками насчетъ измѣненій Педагогическаго общества).

Благодать Господа Бога да будет со всеми вами. (Буква г' Обществомъ' отвергнута). Бедные (Общество: -ыи) дети сгорели со стыда. Где здесь мелочная лавка? У Веры жолтые (Общество: ыи) глаза. Какое бедствие! Университет существует и для студентов, и для професоров (Вопроса объ удвоеньи согласныхъ Общество не разсматривало). Этот професор уже не читает лекцый. Уже?! Чорт, говорят, чорен. Очи её чернее ночи. У лисиц есть но́ры, у птиц—гнёзда. На этой ели много шышек. Жена да боится мужа своево. Детки забылись не детским сном. Счастье нам изменило. Дай мне братскый (Общ.: -кий) поцелуй. Роскрылась адская бездна (Общ.: Р-а-з-). Чей это пегый (Общ.: -гий) жеребёночек? (Общ.: -бе-, т. к. тутъ не грозитъ никакого смѣшенія). Дедушка всё читал ветхый (Общ.: -хий) завет. Я пью (Общ.

---

[51]) Относительно ј и «мягкихъ буквъ» въ этомъ письмѣ оговорю слѣдующее. Роль іота могла бы быть передана буквѣ і, и безъ того играющей эту роль въ нѣкоторыхъ пришлыхъ словахъ: «іодъ, іезуитъ».—Несоотвѣтствіе между сочетаньями ьо, йо и јо (іо) съ одной стороны, и буквами я, ю—съ другой,—не бѣда; напротивъ того, написанія л-ь-о-д, п-о-й-о-т, л-ь-ј-о-т облегчили бы истолкованье уже въ начальной грамматикѣ истиннаго значенія буквъ я и ю, какъ равныхъ ьа, йа, ја; ьу, йу, ју.

Гос. Историч. Библ. ... НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

съ ь) очень жыдкый (Общ.: -кий) чай. Что ты с ним сделаеш? Теперь замечается общий подъём (Общ. съ ь) духа. Им нужен отдых. Бог' (Общ.: Бог) наш помощник и защитник. Приятново сна! Съезд (Общ. черезъ ь) начнётся (Общ.: -е-) в пять часов. Как ево нежат! О чом меня просят? Он этово не скажет.

5. Коршевское письмо [52]).

Блаhодать Ћоспода Боhа да будет со всеми вами. Бѣдныја дети сгорели со стыда. Гдѣ здесь мелошнаја лавка? У Вѣры жолтыја глаза. Какојо бедствијо! Университѣт существуит и дльа студѣнтов и дльа професоров. Ѣтот профѣсор уже не читаит лѣкцый. Ужѣ?! Чорт, говорьат, чорен. Очи јејо чернејо ночи. У лисиц јесть норы, у птиц—гньозда. На ѣтой јели много шышок. Жена да боитса мужа својево. Дѣтки забылис не дѣтским сном. Щастјо нам изменило. Дай мнѣ братской поцелуй. Роскрылас адскаја бѣздна. Чей это пѣгой жеребьоночек? Дѣдушка всьо читал вѣтхой завѣт. Ја пју очень жыдкой чай. Што ты с ним сдѣлаиш? Теперь замечаитса общей подјом духа. Јим нужен отдых. Боh наш помошник и защитник. Пријатново сна! Сјѣзд начньотса в пьать часов. Как јево нѣжут! О чом меньа просьут? Он ѣтово не скажыт.

Вотъ образчики предлагаемыхъ орѳографій, изъ коихъ ни одна, конечно, не достигаетъ недостижимаго идеала; но любая, помоему, лучше нынѣшней.

---

[52]) Прибавлено послѣ, для печати.